

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

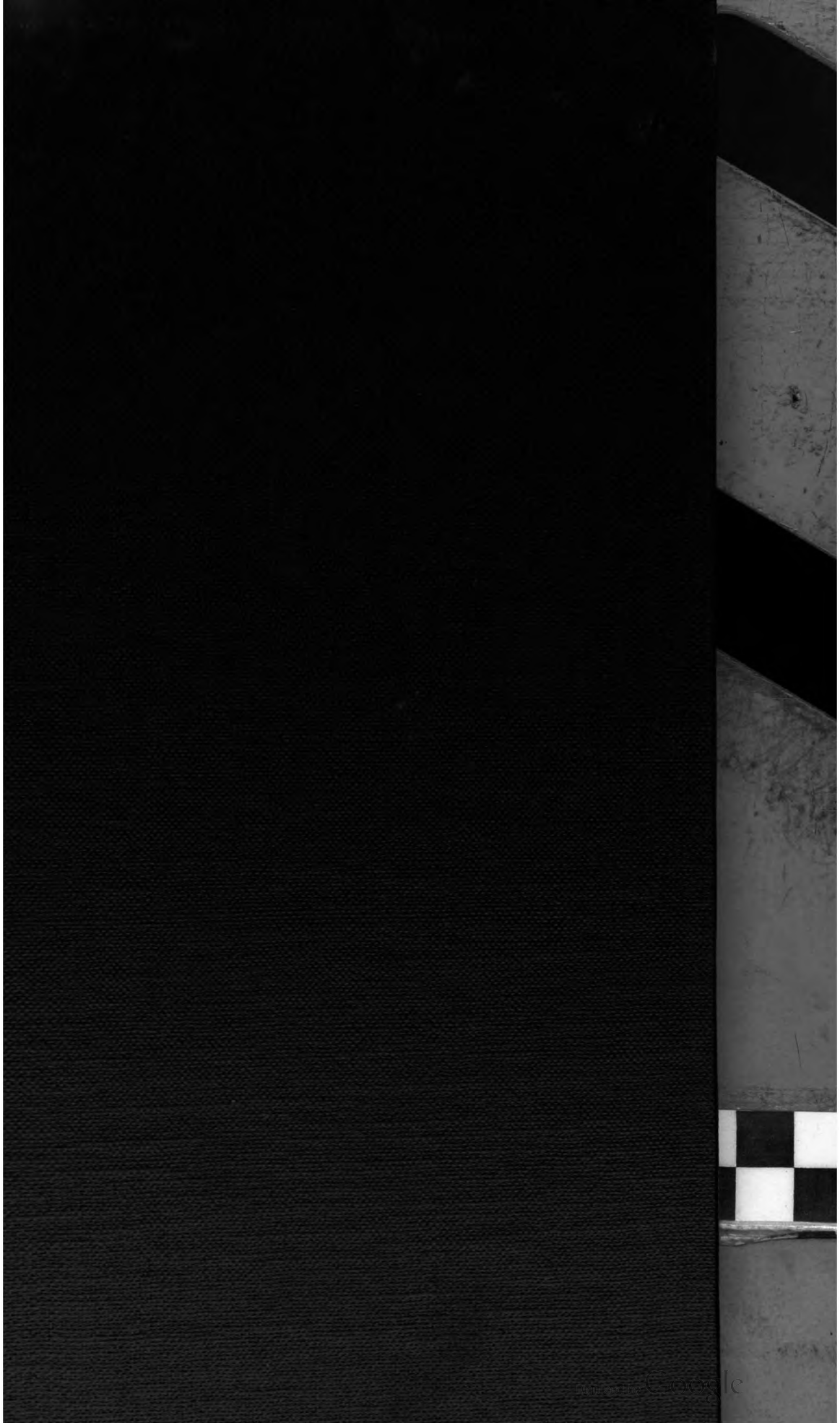
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NEVILL FORBES BEQUEST

NF. PG 89. B4

~~NF 1 F 18~~

NEVILL FORBES BEQUEST

NF. PG 89. B4

~~NF 1 F 18~~

N. F. 1. f. 18. *MS*

Д. О. ВЪЛНЬЕВЪ. *Dmitrii, Fedorovich*

ИСТОРИЯ АЛФАВИТА

И

НОВОЕ МНѢНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

N. F. 1. f. 18.

По опредѣленію историко - филологическаго факультета печатать
дозволяется. 9 октября 1885 года.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

ИСТОРІЯ АЛФАВИТА
И
НОВОЕ МНѢНІЕ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

Ueber d. Ursprung des glagolitischen Alphabets von Isaak Taylor въ Archiv für Slav. Philologie, hrsg. v. Jagić, Band. V, s. 191.

The Alphabet. An account of the Origine and Developpment of Letters by Isaak Taylor. In two volums. Lond. 1883.

О подложности отрывковъ глаголитскихъ такъ назыв. Реймскаго Евангелія и о ключѣ къ глаголитскому письму, въ «Дополненіи къ Галичскому сличительному Четверо-Евангелію», томъ III, Москва, 1883, *Архимандрита Амфилогія*.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, составл. акад. И. В. Ягичемъ. (XXXIII т. Сборника отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ).

Къ числу важнѣйшихъ археологическихъ вопросовъ принадлежитъ безъ сомнѣнія вопросъ о происхожденіи письменности вообще и появленіи ея у каждаго отдѣльнаго народа, такъ какъ съ судьбами письменности тѣсно связано историческое значеніе и роль каждаго народа въ ряду другихъ народовъ.

Въ виду интереса и важности вопроса о происхожденіи этого величайшаго изобрѣтенія человѣчества имъ интересовались всегда и вездѣ и рѣшали по мѣрѣ силъ и знаній. Благодаря тому обстоятельству, что первое появленіе письменности скрыто въ глубинѣ вѣковъ, введеніе алфавита обыкновенно приписывалось какому-нибудь отдѣльному лицу или

нѣсколькимъ, послѣдовательно усовершенствовавшимъ и дополнявшимъ алфавитъ, причемъ эти лица считались *изобрѣтателями* буквъ алфавита. Такъ было у грековъ и римлянъ, такъ было у словянъ и многихъ другихъ народовъ. Только строго научное изученіе эпиграфическихъ и палеографическихъ памятниковъ, начавшееся въ повѣйшее время, начало разсвѣтать мало по малу туманъ, покрывавшій первоначальную исторію письменности каждаго отдѣльнаго народа. Въ числѣ историко-филологическихъ наукъ, посвященныхъ изученію исторической жизни отдѣльныхъ народовъ, видное мѣсто стали занимать выдѣлившіяся въ самостоятельную филологическую дисциплину эпиграфика и палеографія. Но, занимаясь изученіемъ исторіи письменности отдѣльныхъ народовъ, эти науки иногда не могли восходить дальше древнѣйшихъ памятниковъ этихъ самыхъ народовъ. Восходить дальше къ первоисточникамъ той или другой письменности, указать посредствующія ступени и взаимныя отношенія одной письменности къ другой въ нѣкоторыхъ случаяхъ было или очень трудно или совсѣмъ невозможно. Для этого не доставало матеріала. Только тщательныя обслѣдованія мѣстъ древнихъ культуръ, предпринятія съ спеціальными археологическими цѣлями, археологическія путешествія, раскопки и случайныя открытія послѣднихъ десятилѣтій позволили связать исторію отдѣльныхъ письменностей въ одну общую исторію алфавита и изучать его сравнительно - исторически. Хотя и прежде были попытки составлять подобнаго рода исторіи, но эти попытки или были полны неосновательныхъ, иногда нелѣпныхъ гаданій и предположеній, или были неполны и отрывочны. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ попытка знаменитаго франц. ученаго Фр. Ленормана, предпринявшаго обстоятельную и строго научную исторію алфавита, но остановившагося на первомъ томѣ ⁽¹⁾.

Наученный опытомъ своихъ предшественниковъ, англійскій ученый Исаакъ Тэйдоръ, предпринимая трудъ написать цѣльную и законченную исторію алфавита и сознавая трудность подобнаго предпріятія, требующаго весьма разнообразныхъ и многостороннихъ знаній, рѣшилъ, въ виду огром-

---

⁽¹⁾ Fr. Lenormant, sur la propagation de l'alphabet phénicien, Paris, 1872, T. I.

ной массы матеріала, остановиться на главнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятникахъ той или другой письменности, чтобы имѣть возможность, не загромождая книги описаніемъ множества второстепенныхъ памятниковъ, дать читателю ясное и полное понятіе о важнѣйшихъ. Благодаря этому стремленію къ ограниченію, г. Тэйлору, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усиленнаго труда, удалось довести свое предпріятіе до конца и представить въ сравнительно съ матеріаломъ небольшой книгѣ цѣльную и законченную исторію одного изъ величайшихъ и по своимъ послѣдствіямъ важнѣйшихъ приобрѣтеній человѣчества, т. е. алфавита. Трудъ этотъ явился въ свѣтъ въ Лондонѣ, 1883 году, въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *The Alphabet. An account of the Origine and Developpment of Letters.* Снабженная многочисленными таблицами алфавитовъ и снимками съ эпиграфическихъ памятниковъ, книга г. Тэйлора наглядно представляетъ описываемые въ текстѣ алфавиты и памятники и получаетъ еще большую цѣну и значеніе, какъ сборникъ прекрасно исполненныхъ образцовъ всевозможныхъ алфавитовъ. Въ ряду съ другими алфавитами г. Тэйлоръ разсматриваетъ и славянскія азбуки *глаголицу и кириллицу*. Хотя этимъ послѣднимъ авторъ посвящаетъ немного страницъ, но благодаря тому оригинальному взгляду, который имѣетъ авторъ на глаголицу и который онъ еще раньше высказалъ въ V т. *Archiv'a*, издаваемого академикомъ Ягичемъ, эти немногія страницы имѣютъ значеніе, особенно для славянскихъ читателей, тѣмъ болѣе что славяне недавно еще чествовали память славянскихъ первоучителей въ дѣлѣ вѣры христіанской, письменности и образованности. Сущность этого взгляда, основаннаго на томъ выводѣ изъ всей исторіи алфавита, что алфавиты, какъ и языкъ, не выдумываются, не изобрѣтаются, а вырабатываются и развиваются одинъ изъ другаго, заключается въ томъ, что не только кириллица, но и глаголица нѣкъмъ не выдумана, не изобрѣтена, а представляютъ собою видоизмѣненіе: первая греческаго унциальнаго письма, а вторая греческаго же *курсива*. Хотя мнѣнія о греческомъ первоисточникѣ глаголицы, какъ мы увидимъ, высказывались и раньше, но до г. Тэйлора никто этого взгляда не обосновалъ и не показалъ наглядно, въ таблицахъ, возможность и вѣроятность такого объясненія славянской глаголицы. Въ одно время почти съ г. Тэйлоромъ и во всякомъ случаѣ не-

зависимо отъ него такой же взглядъ высказалъ почтенный изслѣдователь древнихъ памятниковъ о. архимандритъ Амфилохій. Къ этому же воззрѣнію на глаголицу присоединился и акад. Ягичъ. Такимъ образомъ мысль о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива получаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и заслуживаетъ полнаго вниманія и все-сторонняго обсужденія и разсмотрѣнія. Разборъ этого мнѣнія и его основаній какъ вообще, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ буквъ словянскихъ азбукъ и составляетъ главную задачу настоящаго труда. Но такъ какъ главнымъ основаніемъ этого мнѣнія о происхожденіи глаголицы служило убѣжденіе въ томъ, что алфавиты не изобрѣтаются, не выдумываются, а въ этомъ можно убѣдиться только изъ исторіи алфавита, то мы сочли необходимымъ разбору и обсужденію мнѣнія г. Тэйлора и другихъ о греческомъ происхожденіи глаголицы предпослать краткій обзоръ всей предшествующей исторіи алфавита ⁽¹⁾ и вкратцѣ показать, что алфавиты и другихъ народовъ, которые также считались прежде продуктомъ остроумія и изобрѣтательности отдѣльныхъ личностей, представляютъ въ сущности естественный и постепенный продуктъ цѣлыхъ поколѣній и народовъ. Такой очеркъ предварительной исторіи алфавита мы считали тѣмъ болѣе нелишнимъ, что въ нашей литературѣ сравнительно мало можно найти указаній по этому важному вопросу.

---

(1) При этомъ особенно относительно алфавитовъ восточныхъ народовъ мы пользовались вышеозначенною книгою г. Тэйлора.

Какъ легко и просто пользоваться уже готовымъ, развитымъ и упрощеннымъ алфавитомъ всякому грамотному человѣку, такъ трудны были первыя попытки писать и медленны прогрессивные шаги въ развитіи письменности. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ первыя попытки письменности начались съ образнаго, картиннаго письма, идеограммы, которая отъ простыхъ изображеній видимыхъ предметовъ переходитъ въ своемъ развитіи къ изображенію отвлеченныхъ и глагольныхъ понятій и развивается въ фонограмму. Эта послѣдняя въ свою очередь проходитъ нѣсколько ступеней: прежде всего являются фонограммы, обозначающія цѣлыя слова, которыя можно назвать лексиграммами, затѣмъ являются силлабограммы, означающія цѣлыя слоги, и наконецъ вырабатываются фонограммы собственно, буквы алфавита, выражающія отдѣльные звуки. На извѣстныхъ ступеняхъ культуры разные народы въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разные времена начинаютъ съ образнаго, картиннаго изображенія того, память о чемъ они хотятъ оставить посредствомъ письма. Американскіе индійцы точно также изображаютъ свои подвиги, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ изображали ихъ египтяне, китайцы, аккадо-сумерійцы и другіе народы, дѣлавшіе самостоятельныя попытки писать. Образцомъ такого примитивнаго письма можетъ служить приведенный въ вышеназванной книгѣ г. Тэйлора снимокъ съ очень интереснаго рисунка, изображающаго подвиги Вангемунда, предводителя одного изъ краснокожихъ племенъ, напавшаго на англійскія поселенія въ 1762 и 1763 годахъ. На этомъ рисункѣ изображены посредствомъ наклоненныхъ черточекъ индійцы въ походѣ; далѣе слѣдуютъ англійскіе форты и поселенія, на которые были направлены походы; убитые англичане изображены безъ головъ, взятые въ плѣнъ съ головами; продолжительность походовъ изображена десятью горизонтальными чертами, раздѣленными на двѣ группы и помѣщенными подъ изображеніемъ солнца; верхній лѣвый уголъ рисунка занимаетъ изображеніе черепахи для обозначенія медленнаго и спокойнаго возвращенія домой побѣдителей⁽¹⁾. Въ этомъ рисункѣ, представляющемъ первоначаль-

---

(1) Къ такому же роду памятникѣвъ принадлежатъ, по всей вѣроятности, онежскія и многочисленныя сибирскія картинныя изображенія

ный, картинный способ письма, черепаха представляет уже переходъ къ идеографическому символическому письму. Черепаха—идеограмма - символъ, т. е. изображеніе предмета, служащаго для выраженія условной отвлеченной мысли, точно также какъ у тѣхъ же индійцевъ *огонь* служитъ для выраженія понятія „семейный кругъ“, трубка означаетъ *миръ*, *вино*—*дружбу* и т. п.

Вполнѣ развитую и видоизмѣненную временемъ до неузнаваемости систему такого рода условнаго идеографическаго письма представляютъ собою китайскія письменна. При помощи написей и другихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ многіе изъ теперешнихъ китайскихъ письменныхъ знаковъ, въ настоящемъ своемъ видѣ вовсе не напоминающихъ изображаемые ими предметы, возводятся въ концѣ концовъ къ грубымъ и рудиментальнымъ идеограммамъ, при чемъ отвлеченныя и глагольныя понятія выражаются посредствомъ условныхъ и комбинированныхъ идеограммъ. Такъ, знакъ, означающій *му* дерево, въ древнѣйшемъ своемъ видѣ представляетъ фигуру, изображающую дерево съ вѣтвями и корнями; знакъ для *ма* лошадь возводится къ фигурѣ, изображающей голову, спинной хребетъ, гриву, ноги и хвостъ. Дальнѣйшее развитіе письменности состояло въ употребленіи такихъ же знаковъ—идеограммъ въ условномъ, символическомъ значеніи, которое понятно развилось въ теченіи долгаго времени и выработалось въ общеупотребительный знакъ изъ нѣсколькихъ способовъ изображенія одного и того же понятія. Такъ „опасность“ изображалась посредствомъ фигуры, представляющей человѣка на утесѣ. Солнце подъ деревомъ означаетъ „мракъ“, солнце надъ деревомъ или солнце и луна рядомъ означаютъ „свѣтъ“. Двѣ соединенныя руки означаютъ „другъ“, фигура ножа означаетъ „раздѣлять“, фигуры жепчины и ребенка означаютъ „любить“ и т. п. А такъ какъ китайскій языкъ состоитъ изъ односложныхъ

замѣчательныхъ какихъ-нибудь обстоятельствъ охотничьей, кочевой и религіозной жизни древнихъ обитателей этихъ странъ. Г. Григ. Спасскій, собравшій и издавшій эти изображенія въ своей статьѣ о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ Древностей, приводитъ попытки другихъ и самъ старается объяснять ихъ смыслъ и значенія (стр. 23 и слѣд.).

корней, изъ которыхъ многіе звучатъ одинаково и различаются по мѣсту и произношенію, то множество идеограммъ обратилось въ фонограммы, т. е., одна фигура стала съ теченіемъ времени употребляться вмѣсто нѣсколькихъ, обозначающихъ разные предметы, названія которыхъ звучатъ одинаково. Чтобы устранить явившееся вслѣдствіе этого смѣшеніе предметовъ и понятій, обозначаемыхъ однимъ и тѣмъ же знакомъ, явилась потребность въ опредѣлительныхъ, добавочныхъ фигурахъ, которыя даютъ фонограммѣ опредѣленное значеніе. Такимъ образомъ явилось множество фонограммъ и опредѣлительныхъ знаковъ, комбинаціи которыхъ служатъ для обозначенія состава китайскаго словаря. Такихъ комбинацій надо знать нѣсколько тысячъ, чтобы читать обыкновенную книгу, благодаря чему одно обученіе чтенію и письму занимаетъ годы и десятки лѣтъ и умѣніе читать и писать уже само по себѣ представляетъ весьма сложную, трудную и скучную науку и требуетъ значительнаго времени и труда, которому могутъ отдаваться не многіе, избравшіе грамотность и науку своею спеціальностью и профессією. Постигшіе эту трудную и многосложную загадку усидчивымъ трудомъ многихъ лѣтъ понятию значительно выдѣляются изъ общей массы и составляютъ особое сословіе, подобно тому какъ по тѣмъ же причинамъ умѣніе читать и писать идеографическимъ письмомъ въ Ассиріи и Египтѣ выдѣляло обладающихъ этимъ секретомъ въ особую касту весьма почтенныхъ и не даромъ уважаемыхъ мудрецовъ.

Подобно китайскому и клинообразное вавилоно-ассирійское письмо вышло изъ идеографическаго, и клинообразнаго письма въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, въ формѣ архаическаго вавилонскаго или линейнаго вавилонскаго письма, представляють въ сущности изображенія, исполненныя не клинами, а линіями и чертами, которыя благодаря матеріалу письма (необожженный кирпичъ), превратились въ клины и гвозди. Такъ идеограмма Неневіи въ первоначальной формѣ представляла не что иное, какъ рыбу, окруженную стѣнами дома, что указываесть повидимому на происхождение Неневіи изъ поселка рыбачихъ хижинокъ. Изъ первоначальныхъ идеограммъ съ переходомъ алфавита къ другимъ пародамъ, преимущественно господствовавшимъ въ тѣхъ странахъ, образовались слоговыя фонограммы или силлабаріи и наконецъ алфа-

вить, хотя и не вполне совершенный, а съ остатками силлабизма.

Такія же ступени развитія прошло то идеографическое письмо, изъ котораго вышли наши европейскіе алфавиты, т. е., египетскіе іероглифы, стоящіе во главѣ длиннаго ряда видоизмѣненій, усовершенствованій и упрощеній, позволяющихъ намъ съ такимъ удобствомъ и легкостію пользоваться письменными знаками.

Если китайскія и вавилоно-ассирійскія письменна могутъ имѣть претензіи на появленіе на свѣтъ въ своей древнѣйшей идеографической формѣ приблизительно за 3000 лѣтъ до нашей эры, то наши письменные знаки, наши буквы могутъ гордиться несравненно болѣе длиною генеалогіею и по древности своихъ первоначальныхъ предковъ считаться самыми благородными письменами.

Древнѣйшій письменный египетскій памятникъ, хранящійся въ Оксфордѣ, относится къ царствованію Сента, царя второй династіи, жившаго по Бругшу за 4000, а по Мариетту даже за 4700 лѣтъ до нашей эры, но уже въ то время іероглифическое письмо было весьма древнею графическою системою, имѣющею продолжительную исторію предварительнаго развитія. Эта исторія, восходящая до едва вѣроятной древности, началась безсомнѣнія, какъ можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, съ образнаго, картиннаго письма, идеограммъ, которыя были въ употребленіи и въ позднѣйшее время. Такъ, кружокъ съ точкою въ срединѣ, означающій солнце, есть, очевидно, изображеніе, идеограмма солнца. Когда нужно было выразить отвлеченное или глагольное понятіе, тогда прибѣгали къ комбинаціямъ идеограммъ или простымъ идеограммамъ, которыя сдѣлались символическими идеограммами, совершенно также, какъ это было у китайцевъ: такъ, теленокъ, бѣгущій къ водѣ, означалъ „жажду“, двѣ руки, одна держащая мечъ, а другая щитъ, означала „сраженіе“, поднятый бичъ означаетъ „власть“ и т. п. Ближайшею ступенью въ развитіи письма было образованіе изъ идеограммъ фонограммъ, т. е., обозначеніе одною идеограммою нѣсколькихъ однозвучныхъ словъ, вслѣдствіе чего идеограммы извѣстныхъ предметовъ и понятій превратились въ фонограммы, обозначавшія нѣсколько словъ, звучащихъ одинаково съ словомъ, идеограммою котораго они выражаются, причемъ однакожь идеограмма не утрачивала своего перво-

начальнаго значенія. Слѣдующимъ шагомъ на пути къ алфавиту было образованіе изъ фонограммъ по акрологическому способу силлабограммъ или слоговыхъ знаковъ, т. е., употребленіе тѣхъ же самыхъ идеограммъ въ значеніи не только фонограммы, обозначающей цѣлое слово, но и въ значеніи одного только слога, съ котораго начинались всѣ слова, обозначаема однаю идеограммою ⁽¹⁾. Послѣднимъ шагомъ на пути къ звуковому письму было выдѣленіе изъ слога одного начальнаго звука по тому же акрологическому принципу. И этотъ шагъ былъ сдѣланъ египтянами и притомъ такъ давно, что уже въ древнѣйшей іероглифической написи есть уже знаки, выражающіе отдѣльные звуки, а это обстоятельство необходимо приводитъ къ заключенію, что до этой древнѣйшей написи много, много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ египтяне начали писать простыми идеограммами. Г. Тэйлоръ, по аналогіи съ другими графическими системами, особенно клинообразною и китайскою, предполагаетъ, что начало графическаго искусства въ долинѣ Нила можно отнести ко времени, отстоящему отъ насъ на семь и даже на восемь тысячъ лѣтъ. Можетъ быть, послѣдняя цифра слишкомъ велика, но для всѣхъ тѣхъ эволюцій, которыя произошли въ письмѣ до древнѣйшей извѣстной намъ написи, необходимо дѣйствительно предположить нѣсколько столѣтій.

Но достигнувши въ глубокой древности весьма не легко дающагося и нѣкоторыми народами вовсе не достигнутаго умѣнья отдѣлять звуки, египтяне не освободились отъ прежнихъ традицій и до временъ Птолемеевъ и Цезаря на ряду съ звуковыми знаками употребляли всѣ другіе способы письма, такъ что ихъ первоначальныя идеограммы употребляются въ одно и тоже время и въ значеніи идеограммъ простыхъ, въ значеніи идеограммъ символическихъ, фонограммъ, силлабограммъ и наконецъ въ значеніи буквъ алфавита. Благодаря

⁽¹⁾ Для поясненія этихъ постепенныхъ значеній, выражавшихся одною и тою же идеограммою, г. Тэйлоръ приводитъ слѣд. примѣры: изображеніе лютни имѣло символическое значеніе «превосходства», потому въ качествѣ фонограммы означало слово *nefer* добрый, хорошій, наконецъ выражало слогъ *ne*; и во всѣхъ этихъ значеніяхъ идеограмма лютни употребляется и тогда, когда идеограмма уже сдѣлалась слоговымъ знакомъ.

этой рутинѣ и тѣ знаки, которые употреблялись для выраженія отдѣльных звуковъ согласныхъ, какъ видно изъ ихъ сочетаній съ разными гласными, не получили значенія исключительно буквъ, т. е., каждый египетскій знакъ для согласнаго обозначаетъ и свой дополнительный гласный, и гласный пишется особо только тогда, когда нужно выразить не тотъ слогъ, который выражается извѣстнымъ знакомъ для согласнаго вмѣстѣ съ его дополнительнымъ гласнымъ. Другими словами, какъ буквы санскритскаго алфавита означаютъ цѣлый слогъ съ ѣ, если при нихъ не стоитъ какой-нибудь знакъ для другаго гласнаго звука, такъ египетскіе буквенные іероглифы выражаютъ согласный звукъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ гласнымъ, если не поставлено особаго знака для другаго гласнаго.

Такъ какъ знаки эти развились изъ фонограммъ, а фонограммъ и силлабограммъ было много однозвучныхъ, то явилось и нѣсколько знаковъ, которыми можно было выразить одинъ и тотъ же звукъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что мало по малу одни знаки, наиболѣе простые и употребительные, стали употребляться исключительно или большею частію для выраженія извѣстныхъ звуковъ, а другіе вышли изъ употребленія, такъ что образовалось сравнительно незначительное количество іероглифическихъ знаковъ, употреблявшихся въ качествѣ буквъ. Такихъ употребительныхъ знаковъ египтологи насчитываютъ до 45; но и въ этомъ числѣ 20 параллельныхъ знаковъ, такъ что только 25 звуковъ выражалось всѣми этими знаками, причемъ нѣкоторые звуки выражались всегда однимъ знакомъ, а другіе двумя и даже тремя знаками. Вмѣсто того, чтобы ограничиться только этими іероглифами, которые стали употребляться для выраженія отдѣльных звуковъ, и перейти такимъ образомъ къ звуковому, алфавитному письму, египтяне продолжали употреблять на ряду съ звуковымъ письмомъ всѣ прежніе способы письма и даже одно и то же слово изображали разными способами, что еще болѣе запутывало и затрудняло писаніе и чтеніе написаннаго такими разнообразными способами. Связанные преданіемъ священнои старины, египтяне не рѣшились или не сумѣли сдѣлать того важнаго шага, который вывелъ бы ихъ графическую систему изъ лабиринта многочисленныхъ и разнозначущихъ іероглифовъ и привелъ бы къ звуковому, буквенному письму. Этотъ важный и рѣ-

шительный шагъ суждено было сдѣлать другому народу, не связанному египетскими преданіями и рутиною, и такимъ образомъ сдѣлаться виновникомъ одного изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ открытій—алфавита. Этотъ народъ были Семиты.

Древніе греческіе и латинскіе писатели совершенно справедливо называютъ финикійцевъ изобрѣтателями того алфавита, которымъ писали греки и римляне; но нѣкоторые изъ нихъ въ тоже время прибавляютъ, что сами финикійцы въ свою очередь заимствовали искусство письма у египтянъ. Что касается до заимствованія греками алфавита отъ финикійцевъ, то это свидѣтельство древнихъ писателей какъ нельзя болѣе очевидно подтверждается одинаковою формою, числомъ, названіемъ, значеніемъ и порядкомъ буквъ древняго греческаго алфавита съ буквами финикійскаго. Далекое не такъ ясно и убѣдительно доказывается извѣстными намъ эпиграфическими памятниками справедливость извѣстій о заимствованіи финикійцами своего алфавита отъ египтянъ. Буквенное значеніе египетскихъ іероглифовъ, какъ мы видѣли, далеко не такъ опредѣленно, какъ финикійскихъ буквъ. Число, названія, порядокъ у египтянъ не тѣ, что у финикійцевъ, наконецъ форма египетскихъ іероглифовъ и финикійскихъ буквъ очень мало напоминаетъ форму финикійскихъ буквъ. Египетскіе буквенные іероглифы—тѣже идеограммы, изображенія различныхъ предметовъ, какими они были искони, между тѣмъ какъ финикійскія буквы или вовсе не представляютъ сходства съ египетскими изображеніями или представляютъ сходство очень отдаленное. — Всѣ эти обстоятельства, открывшіяся при сравненіи египетскихъ и финикійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, заставили многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего вѣка сомнѣваться въ справедливости извѣстій древнихъ писателей относительно заимствованія финикійцами своего алфавита отъ египтянъ. Такъ *Gesenius* въ своемъ классическомъ трудѣ: *Scripturae Linguaeque Phoeniciae Monumenta*, Lipsiae, 1837, старается доказать, что финикійцы самостоятельно выработали свой алфавитъ изъ самобытнаго, семитскаго же образнаго письма, слѣды котораго онъ находитъ въ фигурахъ и названіяхъ буквъ семитскаго алфавита: *A aleph* = быкъ, напр., представляетъ или представляло прежде голову быка, *A daleth* = дверь есть въ сущности изображеніе двери и т. д. Подобное

мнѣніе высказывали и другіе не менѣ знаменитые семитологи, считавшіе семитскій алфавитъ и самихъ семитовъ первичнымъ источникомъ европейскихъ алфавитовъ, дальше котораго въ исторіи алфавита идти нельзя, такъ что авторитетъ древнихъ писателей въ этомъ вопросѣ былъ подорванъ и справедливость ихъ извѣстій отрицалась до самаго послѣдняго времени, когда изслѣдованія и открытіе франц. ученаго Emanuel'я de Rougé ⁽¹⁾ снова заставили ученый міръ убѣдиться въ справедливости древнихъ извѣстій о заимствованіи финикійцами своего алфавита у египтянъ. Исходною точкою открытія французскаго египтолога было совершенно справедливое и основательное убѣжденіе, что прототиповъ семитскаго алфавита нужно искать не въ идеографическихъ іероглифахъ, а въ *курсивномъ письмѣ*, развившемся изъ іероглифовъ для свѣтскихъ и обыденныхъ цѣлей. Изъ двухъ типовъ курсивнаго письма *іератическаго* и *димотическаго* послѣднее не могло служить источникомъ семитскаго алфавита, потому что оно появилось около времени 22 династіи, когда семитскій алфавитъ былъ уже въ употребленіи. Остается слѣд. іератическое письмо, изъ котораго образовалось само димотическое. Но іератическое письмо новой имперіи, изъ котораго развилось димотическое, также не представляетъ достаточнаго сходства съ семитскими буквами, и кромѣ того принадлежитъ эпохѣ слишкомъ поздней для того, чтобы служить прототипомъ финикійскаго алфавита. Потому французскій ученый обратился къ древнимъ формамъ іератическаго письма, возникшимъ во времена старой имперіи и бывшимъ въ употребленіи во времена завоеванія семитами Нижняго Египта, извѣстнаго подъ именемъ нашествія и господства Гиксовъ; такъ какъ къ этому именно періоду господства семитовъ въ Нижнемъ Египтѣ г. де Руже и относитъ заимствованіе семитами у египтянъ письменныхъ знаковь.

(¹) Свое изслѣдованіе г. de Rougé читалъ въ Académie des Inscriptions, въ Comptes Rendus которой появился краткій отчетъ объ этомъ изслѣдованіи, но самый оригиналъ не былъ напечатанъ и потомъ затерялся, такъ что уже послѣ смерти Emanuel'я de Rougé его сынъ Jacques de Rougé издалъ по черновой оригинала съ поправками и добавленіями изслѣдованіе отца подъ заглавіемъ: Mémoire sur l'origine Egyptienne de l'Alphabet Phénicien. Paris, 1874.

Чтобы доказать свое положеніе, г. de Rougé беретъ древнѣйшія формы семитскаго алфавита и сравниваетъ ихъ съ тѣми египетскими іератическими знаками, которые до изгнанія Гиксовъ употреблялись въ качествѣ буквъ алфавита, и опредѣляетъ возможно точнѣе фонетическое значеніе какъ семитскихъ, такъ и египетскихъ письменныхъ знаковъ, для каковой цѣли ему служатъ собственныя семитскія имена, встрѣчающіяся въ египетскихъ письменныхъ памятникахъ. Этимъ путемъ г. de Rougé установилъ на твердыхъ основаніяхъ соотвѣтствіе семитскихъ знаковъ египетскимъ іератическимъ и доказалъ, что каждый семитскій знакъ можетъ быть легко возведенъ къ своему египетскому прототипу. Самый лучший матеріалъ для сравненія даютъ древнѣйшіе памятники семитскаго письма, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ надпись Мешы, царя Моавскаго, такъ называемый Моавскій камень, относящійся къ концу X или началу IX в. до Р. X. Но этотъ камень былъ открытъ только въ 1868 году и въ 1859 г., когда de Rougé доказывалъ предъ Академіею Написей свою гипотезу, не былъ извѣстенъ; потому франц. ученый долженъ былъ довольствоваться нѣсколько болѣе поздними памятниками, какъ, напр., надпись на саркофагѣ Сидонскаго царя Эшмуназара. Тѣмъ болѣе чести приноситъ г. de Rougé его открытіе! Онъ на основаніи болѣе позднихъ памятниковъ сдѣлалъ открытіе, которое еще болѣе подтверждается и нагляднѣе доказывается открытыми послѣ древнѣйшими памятниками.

Памятники древняго іератическаго письма также немногочисленны, какъ и древнѣйшіе семитскіе. Возможность доказать происхожденіе семитскаго алфавита отъ египетскихъ іератическихъ знаковъ даютъ только три манускрипта, изъ которыхъ одинъ находится въ Берлинскомъ Музеѣ и заключаетъ въ себѣ картуши царей изъ 12 династїи, предшествовавшей вторженію Гиксовъ; другой содержитъ имена Хефу и другихъ царей древнихъ династїй Мемфиса, третій и самый важный находится въ Парижской національной библиотекѣ и называется по имени его жертвователя папирусомъ Присса. Этотъ знаменитый манускриптъ, опубликованный Приссомъ въ 1847 г., состоитъ изъ 18 стр., изъ которыхъ двѣ представляютъ конецъ одного сочиненія, а остальные 16 содержатъ другое цѣльное сочиненіе или точнѣе копию съ сочиненія принца *Ptah-Hotep'a*, жившаго во времена Ассы, царя пя-

той династии. Копия была найдена в гробницѣ 11 династии, и потому древнѣе вторженія Гиксовъ, нѣсколькими столѣтіями раньше не только Моисея, но и Авраама, не говоря уже объ оригиналѣ, который представляетъ самую древнѣйшую книгу ⁽¹⁾. И въ этой древнѣйшей книгѣ мы находимъ уже жалобы старика на новыя времена, на испорченность молодого поколѣнія. Старикъ вспоминаетъ прежнія, лучшія времена, старину и совѣтуетъ молодежи изучать мудрость древнихъ, основнымъ положеніемъ которой онъ выставляетъ покорность, угодливость и послушаніе! Этотъ папирусъ, какъ и два вышеназванные, написанъ курсивнымъ іератическимъ письмомъ, которое было въ употребленіи предъ вторженіемъ Гиксовъ для литературныхъ и коммерческихъ цѣлей, и рѣзко отличается отъ іератическаго письма новой имперіи.

Не смотря на то, что теорія de Rouge обставлена весьма солидными доказательствами и основана на строго-научномъ методѣ изслѣдованія, она была принята далеко не всѣми. Нашлось не мало весьма почтенныхъ защитниковъ старой теоріи самостоятельнаго развитія семитскаго алфавита. Эти противники г. de Rouge выставили противъ его теоріи разныя возраженія и соображенія, изъ которыхъ наиболѣе важныя и вѣскія сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: а) семитскія названія буквъ указываютъ на семитское происхожденіе ихъ; въ противномъ случаѣ онѣ были бы названы египетскими названіями, какъ буквы греческаго алфавита названы семитскими именами; б) въ семитскомъ языкѣ есть звуки, которыхъ нѣтъ въ египетскомъ и знаки для которыхъ не могли быть заимствованы у египтянъ; в) сходство древнихъ іератическихъ знаковъ и семитскихъ недостаточно очевидно для того, чтобы можно было первые признать несомнѣнными прототипами вторыхъ. Первые два возраженія, равно какъ и нѣкоторыя другія менѣе важныя, легко опровергаются исторіею заимствованныхъ алфавитовъ у другихъ народовъ. Дѣло въ томъ, что при заимствованіи знаки заимствованнаго алфавита берутся для выраженія такихъ звуковъ у заимствующаго народа, которыя болѣе или менѣе сходны, но далеко не всегда тождественны съ звуками народа,

---

⁽¹⁾ Ср. русск. переводъ Руководства къ древней исторіи Востока Фр. Ленорманна. Вып. I, стр. 36 и 37.

передающего алфавитъ, причемъ нерѣдко одинъ и тотъ же знакъ сначала выражаетъ два сродные звука, которые со временемъ получаютъ оба свой особый знакъ, нерѣдко развивающійся изъ одного и того же знака. (Ср. напр. лат. С и G, развившіеся изъ греч. Γ). Наоборотъ одинъ и тотъ же звукъ выражается двумя знаками, обозначавшими сходные звуки, какъ это было при заимствованіи греками финикійскаго алфавита. Названія буквъ точно также нерѣдко измѣняются и замѣняются чисто національными. Какъ буквы словянской азбуки, заимствованныя изъ греческаго алфавита, названы словянскими именами, такъ точно и египетскіе знаки іератическіе, заимствованные семитами, названы семитскими именами, означающими тѣ предметы, которые болѣе или менѣе напоминаютъ фигуры заимствованныхъ іератическихъ знаковъ, а не именами египетскихъ іероглифовъ, изъ которыхъ вышли іератическіе знаки, тѣмъ болѣе что іератическіе знаки очень далеко ушли отъ фигуръ идеографическихъ іероглифовъ, своихъ прототиповъ.

Гораздо важнѣе 3-е возраженіе, основанное на недостаточно очевидномъ сходствѣ финикійскихъ буквъ съ египетскими іератическими знаками: если оно справедливо и основательно, то извѣстія древнихъ писателей и доказывающая ихъ справедливость теорія de Rouge подрываются въ корнѣ. Дѣйствительно, если взглянуть на таблицы того и другаго алфавита, то на первый взглядъ между ними представляется большая разница; нѣкоторыя буквы даже какъ-будто вовсе не походятъ на свои прототипы. Но при сравненіи финикійскихъ буквъ съ египетскими іератическими письменами необходимо постоянно имѣть въ виду, что памятники, дошедшіе до насъ отъ той и другой письменности, раздѣляются 10 или даже 12 вѣками,—такимъ періодомъ времени, въ который буквы измѣняются до такой степени, что нерѣдко трудно себя представить, если не имѣть въ виду посредствующихъ ступеней, какъ могли развиться одни изъ другихъ столь различныя знаки. Каждому, знакомому съ исторіею письменности у разныхъ народовъ, это совершенно понятно. Нужно скорѣе удивляться, что между іератическими письменами и соотвѣтствующими имъ семитскими сохранилось такое большое сходство, что можно указать въ заимствованныхъ семитскихъ буквахъ всѣ главнѣйшія черты прототиповъ. Чтобы опровергнуть теорію de Rouge, необходимо доказать, что

сходство знаковъ финикійскихъ и египетскихъ, выражающихъ одинаковые звуки, случайное, а не генетическое. А доказать этого нельзя. Отрицать сходства также нельзя, по крайней мѣрѣ относительно большинства знаковъ. Что же касается до разницы въ начертаніяхъ, то ее, кромѣ времени, легко объяснить разными обстоятельствами и причинами. Семитскіе знаки отличаются отъ іератическихъ большею простотою, правильностію очертаній, прямою и однообразіемъ по величинѣ и фигурѣ. Эти отличительныя черты, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствующихъ въ исторіи каждаго алфавита и преобразующихъ алфавитъ иногда до неузнаваемости, можно въ значительной степени объяснить разницею въ матеріалѣ и орудіяхъ письма. Египетскія рукописи написаны на папирусѣ густыми клейкими чернилами тростниковою палочкою съ довольно толстымъ концемъ; потому буквы толсты, круглы и разнообразны по величинѣ и положенію. Семитскіе памятники, напротивъ, высѣчены на камнѣ острымъ металлическимъ орудіемъ; потому буквы въ нихъ прямѣе, ровнѣе, безъ завитушекъ и разныхъ добавочныхъ чертъ, которыя труднѣе было воспроизводить на камнѣ и которыя, являясь остатками идеографическихъ іероглифовъ въ іератическомъ письмѣ, въ семитскомъ оказались совершенно лишними и ненужными, такъ какъ и безъ нихъ знаки достаточно отличаются одинъ отъ другаго, и при томъ несравненно больше, чѣмъ въ позднѣйшихъ семитскихъ алфавитахъ, особенно еврейскихъ и арабскихъ, гдѣ буквы очень походятъ одна на другую.—Очень вѣроятно, что новыя открытія памятниковъ семитскихъ, болѣе древнихъ, чѣмъ Моавскій камень, и папирусовъ съ іератическимъ письмомъ изъ временъ владычества Гиксовъ дадутъ новыя, болѣе очевидныя доказательства сходства и тождества семитскихъ и египетскихъ письменъ. Памятники, на которыхъ основаны доказательства de Rouge, найдены въ послѣднія десятилѣтія, и нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ эту теорію нельзя было доказывать. Весьма вѣроятно, что, при господствующемъ теперь стремленіи къ обслѣдованію центровъ древнѣйшихъ цивилизацій и отысканію эпиграфическихъ и другихъ памятниковъ, будутъ сдѣланы новыя, не менѣе важныя открытія, которыя еще болѣе, чѣмъ Моавскій камень, подтвердятъ результаты изслѣдованія de Rouge. Кромѣ палеографическихъ данныхъ въ пользу заимствованія семитами алфавита во время господства Гиксовъ

говорятъ и другія историческія и хронологическія соображенія. Господство Гиксовъ (собств. Гик-сос = цари-пастухи) продолжалось болѣе 500 лѣтъ (XXIII—XVII в. до Р. Хр.) и аналогія вавилонянъ, ассирианъ, мидянъ, персовъ и многихъ другихъ племенъ и народовъ, овладѣвавшихъ цивилизованными и грамотными странами или приходившихъ только въ продолжительныя сношенія съ ними, заставляетъ думать, что семитское кочевое и полудикое племя, овладѣвши цивилизованнымъ Египтомъ, усвоило, подобно другимъ народамъ, находившимся въ подобномъ положеніи, и вынесло съ собою при невольномъ удаленіи изъ Египта умѣнье писать, заимствованное у своихъ прежнихъ подданныхъ. Отъ нихъ, какъ отъ сроднаго племени, выучились писать и евреи во время своего пребыванія въ Египтѣ, которое совпадаетъ съ временемъ господства царей-пастуховъ. Явившись въ Египетъ безграмотными, евреи вышли оттуда, обладая искусствомъ письма. Кромѣ евреевъ во времена господства пастуховъ въ Нижнемъ Египтѣ поселились финикіяне, которые также заимствовали усвоенное пастухами искусство и передали своимъ родичамъ въ Финикии, какъ пастухи и евреи принесли это искусство съ собою въ мѣста своего новаго жительства. Совершенно опредѣленный и установившійся характеръ буквъ финикійскаго алфавита въ началѣ IX в., а равно и распространеніе его въ разныхъ мѣстахъ семитской культуры въ VIII в. также свидѣтельствуютъ въ пользу того, что искусство письма давно было извѣстно семитамъ и что со времени его заимствованія прошло нѣсколько столѣтій.

Заимствовавъ отъ египтянъ 22 знака, семиты остались при томъ количествѣ буквъ, которое они вынесли изъ египта, ничего не прибавивъ и не убавивъ ¹⁾. Даже характеръ значенія буквъ остался тотъ же: какъ египетскіе прототипы были способны выражать и цѣлый слогъ и одинъ звукъ, такъ и семитскіе буквы, выражая собственно согласные звуки, выражаютъ цѣлый слогъ, такъ какъ особыхъ

---

¹⁾ Заимствовавши знаки, семиты, какъ уже было сказано, не заимствовали названій, а назвали знаки по своему, именами тѣхъ предметовъ, которые, хотя отдаленно, напоминали фигуры буквъ, и названія которыхъ начинались съ звука, означаемого тою или другою буквою. Напр. *aleph* быкъ, *beth* домъ, *gimel* верблюдъ, *daleth* дверь, *chet* загородка, *jod* рука, *koph* (Q) ладонь, *mem* вода и т. д.

знаковъ для гласныхъ звуковъ у нихъ не было и только знаки для *jod* и *vau* послѣ согласныхъ фигурировали въ качествѣ гласныхъ *i* и *u*. Правда, въ послѣдствіи въ нѣкоторыхъ семитскихъ языкахъ, напр., арабскомъ, явились способы выражать большее количество звуковъ, нежели было буквъ, но эти способы состоятъ въ точкахъ надъ буквами и подъ буквами, а новыхъ знаковъ не прибавилось. За то форма семитскихъ буквъ, особенно еврейскихъ и арабскихъ, измѣнилась до неузнаваемости и при томъ къ худшему: вмѣсто ясно различающихся знаковъ, которые мы находимъ въ древнѣйшихъ семитскихъ написяхъ и заимствованныхъ алфавитахъ, особенно греческомъ и его отрасляхъ, въ еврейскомъ и особенно арабскомъ позднѣйшихъ алфавитахъ мы находимъ группы почти одинаковыхъ значковъ, которые безъ большаго навыка трудно различать.

Древнѣйшіе памятники семитской письменности принадлежатъ финиціанамъ; но уже въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ различаютъ два типа, собственно финиційскій, самый древній, и сидонскій, не столь древній, по однимъ развившійся изъ перваго, по другимъ представляющій особую отрасль. Представителемъ древнѣйшаго типа, который Тэйлоръ предлагаетъ назвать тирскимъ, служатъ Моавскій камень и фрагменты священнаго сосуда, посвященнаго Ваалу Ливанскому и найденнаго на о. Кипрѣ. Замѣчательна судьба этихъ двухъ древнѣйшихъ памятниковъ финиційской письменности. Они пережили почти 3 тысячи лѣтъ и остались цѣлы и невредимы, пока не попались въ руки современникамъ нашимъ, которые изъ корыстныхъ видовъ оба ихъ разбили, и вмѣсто пощаженныхъ тысячелѣтіями цѣлыхъ памятниковъ въ музеи попали куски и при томъ далеко не всѣ. На уцѣлѣвшихъ фрагментахъ Моавскаго камня Меша, царь моавскій, описываетъ свои подвиги и освобожденіе своего царства отъ ига Израильскаго, въ царствованіе Георама (896—884), внука Ахава. Война эта описывается и въ 2 кн. царствъ, III. Представителемъ сидонскаго типа алфавита служитъ надпись на великолѣпномъ саркофагѣ, хранящемся въ Луврѣ, царя сидонскаго Эшмуназара, жившаго въ V в. до Р. Хр.

Израильтяне до Вавилонскаго плѣна писали, какъ показываетъ Силоамская надпись, открытая въ 1880 г., алфавитомъ, очень близкимъ къ финиційскому, представленному Мо-

авскимъ камнемъ; этотъ древнѣйшій типъ, съ нѣкоторыми измѣненіями сохранился до сихъ поръ только у немногочисленныхъ потомковъ древнихъ самарянъ. Кромѣ этой отрасли, первоначальный финикійскій типъ алфавита въ Азіи уступилъ свое мѣсто развившемуся изъ него же въ VII в. до Р. X. арамейскому алфавиту ¹⁾, который послѣ паденія господства финикіянъ сталъ господствовать въ западно-семитскихъ странахъ и былъ не только алфавитомъ торговли, но и алфавитомъ государственнымъ, официальнымъ, на ряду съ клинописью, которую онъ въ послѣдствіи совершенно вытѣснилъ и замѣнилъ.

Сдѣлавшись алфавитомъ разныхъ племенъ и народовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, арамейскій алфавитъ естественно распался на нѣсколько отдѣльныхъ отраслей, развившихся въ самостоятельные алфавиты, каковы еврейскій, сирійскій, монгольскій, арабскій и другіе. Еврейскій алфавитъ выработался изъ арамейскаго, принесеннаго евреями изъ вавилонскаго плѣна, и начался развиваться около I в. до Р. X. въ самостоятельный еврейскій типъ, который, за нѣкоторыми измѣненіями, перешелъ въ печатныя еврейскія книги. Эти измѣненія, впрочемъ, нельзя назвать улучшеніями, скорѣе наоборотъ: фигуры буквъ, столь отчетливыя въ финикійскомъ алфавитѣ, въ еврейской и еще болѣе арабской отрасли арамейскаго алфавита слились въ нѣсколько группъ очень сходныхъ начертаній. Около этого же времени выдѣлился изъ арамейскаго въ особый алфавитъ сирійскій алфавитъ, который былъ орудіемъ богатой христіанской сирійской литературы (*Estrangelo*) и затѣмъ сдѣлался родоначальникомъ разныхъ монгольскихъ алфавитовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ миссіонерской дѣятельности несторіанскихъ проповѣдниковъ христіанства. Дѣло въ томъ, что благодаря осужденію Несторіанской ереси на 3 Вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ и преслѣдованію несторіанъ - сирійцевъ въ предѣлахъ Восточной Римской имперіи, изгнанными послѣдователями этой ереси была основана богословская школа въ предѣлахъ персидскаго царства, въ Низибѣ, долженствовавшая замѣнить для изгнанниковъ и соперничать

---

¹⁾ «Арамъ, возвышенная, горная страна, лежащая на сѣв.-вост. отъ «Ханаана», взмемной страны.

съ знаменитою Едесскою школою, стоявшею во главѣ христіанскаго сирійскаго образованія того времени. Вышедшіе изъ новой богословской школы миссіонеры отличались ревностью и неустрашимостью, которыя завели ихъ далеко за предѣлы пріютившаго ихъ царства Сассанидовъ. Въ VII в. они прочно утвердились въ Кашгарѣ и оттуда распространили свое вѣроученіе между татарскими племенами, такъ что въ VIII в. несторіанскія архіепископскія каѳедры были въ Гератѣ, Самаркандѣ и даже въ Западномъ Китаѣ. Вмѣстѣ съ христіанскимъ вѣроученіемъ, несторіанскіе миссіонеры разносили и распространяли между новыми прозелитами и грамотность. Эта грамотность была усвоена господствовавшимъ тогда въ тѣхъ мѣстахъ племенемъ *уйгуровъ*, которые долго отличались среди варварскихъ татарскихъ племенъ своимъ умѣніемъ писать, такъ что у Чингисъ-Хана секретарями были уйгуры, и уйгурскій алфавитъ былъ орудіемъ письменныхъ сношеній въ обширномъ монгольскомъ царствѣ. Съ распространеніемъ ислама среди племенъ, населявшихъ эти страны, уйгурскій алфавитъ уступилъ свое мѣсто арабскому; но, уступивши мѣсто арабскому среди поклонниковъ ислама, уйгурскій алфавитъ въ видоизмѣненномъ видѣ сохранился у тѣхъ племенъ, которыя остались въ вліяніи ислама, и сдѣлался прародителемъ алфавитовъ: монгольскаго, калмыцкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Если уйгурскій представляетъ восточную отрасль древняго арамейскаго алфавита, то вытѣснившій его арабскій представляетъ собою южную отрасль того же самаго арамейскаго алфавита. Оба главнѣйшіе типа арабскаго алфавита, *куфическій*, соотвѣтствующій болѣе или менѣе уставному средневѣковому письму, и *несхи*, соотвѣтствующій курсивному или скорописи, возводятся ориенталистами-палеографами къ типу сѣверно-арабскихъ или *Набатейскихъ* написей, какъ первоисточнику и древнѣйшему типу арабскаго письма, восходящаго до II в. до Р. Хр., а набатейскій алфавитъ въ свою очередь при помощи ауранитскихъ написей легко приводится въ связь съ пальмирскимъ типомъ арамейскаго алфавита, который есть видоизмѣненіе финикійскаго алфавита.

Наконецъ отъ арамейскаго же алфавита произошла

группа такъ называемыхъ Тэйлоромъ иранскихъ ¹⁾ алфавитовъ, къ которымъ онъ причисляетъ алфавиты написей изъ временъ Арзакидовъ, Сассанидовъ, парсійскій (Зендъ - Авеста), индобактрійскій, армянскій и грузинскій. Не останавливаясь на исторіи этихъ алфавитовъ, какъ интересной только для специалистовъ, и не входя вмѣстѣ съ Тэйлоромъ въ разсмотрѣніе спорнаго вопроса о происхожденіи индійскихъ алфавитовъ, которые Тэйлоръ производитъ также изъ семитскаго, мы обратимъ вниманіе читателя только на исторію цифровыхъ знаковъ, которые зашли къ намъ съ дальняго востока и, по мнѣнію Тэйлора, представляютъ не что иное, какъ буквы индобактрійскаго алфавита. Цифры, какъ извѣстно, введены въ Европѣ испанскими арабами, а изъ Испаніи въ XII—XIV вѣкѣ распространились по всей Европѣ. Сами арабы заимствовали ихъ изъ Индіи въ VIII в. Тэйлоръ старается доказать, что индійскія цифры представляютъ собою начальныя буквы индійскихъ словъ числительныхъ, написанныхъ индобактрійскимъ алфавитомъ, древнѣйшимъ представителемъ котораго служатъ написи царя Асоки,—буддійскаго Константина Великаго (III в. до Р. Хр.)

Гораздо болѣе интереса представляетъ для насъ самая распространенная отрасль финикійскаго алфавита, — алфавитъ *греческій*, родоначальникъ двухъ алфавитовъ, въ настоящее время господствующихъ въ Европѣ и въ подчиненныхъ европейцамъ областяхъ другихъ частей свѣта, — *латинскаго* и *русскаго* (кириллицы). Вопросъ о времени заимствованія греками финикійскаго алфавита есть въ тоже время, очевидно, вопросъ о происхожденіи и времени возникновенія европейскаго алфавита вообще. Кромѣ того, какъ извѣстно, вопросъ о древности греческаго алфавита и времени возникновенія письменности у грековъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о времени первой записи и происхожденіи древнѣйшаго и въ тоже время величайшаго произведенія европейской поэзіи, — греческаго гомеровскаго эпоса: Иліады и Одиссеи. Въ виду

---

¹⁾ Всѣ эти алфавиты, равно какъ и индійскіе, Тэйлоръ разсматриваетъ почему то послѣ греческаго и его отраслей, латинскаго, словянскаго и другихъ европейскіихъ алфавитовъ, между тѣмъ какъ характеръ прежнихъ алфавитовъ и взглядъ на нихъ Тэйлора заставляютъ поставить ихъ на ряду съ азіатскими отраслями семитскаго алфавита.

такой важности вопроса о времени заимствования греками своего алфавита и въ виду множества самыхъ разнообразныхъ мнѣній, высказанныхъ относительно этого спорнаго пункта, мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ на другихъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ не только у насъ, но и въ Англіи ¹⁾, столь знаменитой своими строго классическими школами, извѣстенъ далеко не всѣмъ.

Первое мѣсто среди древнѣйшихъ памятниковъ греческой эпиграфики принадлежитъ безъ сомнѣнія Абусимбельской и Фирейскимъ написямъ. Уступая по древности пальму первенства Фирейскимъ написямъ, Абусимбельская надпись за то можетъ претендовать на первое мѣсто по важности, какъ первая изъ древнѣйшихъ написей, *время* написанія которой *можно опредѣлить*, и которая потому естественно представляетъ собою исходный пунктъ для опредѣленія времени другихъ древнѣйшихъ, но недатированныхъ написей, въ томъ числѣ и Фирейскихъ.

Знаменитая въ греческой эпиграфикѣ Абусимбельская или Ипсамбульская надпись принадлежитъ къ числу тѣхъ написей, которыя часто и въ наше время дѣлаются путешественниками въ посѣщаемыхъ ими чѣмъ-либо замѣчательныхъ мѣстахъ, и представляетъ одну изъ многочисленныхъ написей, сдѣланныхъ путешественниками разныхъ временъ и народовъ на колоссальныхъ статуяхъ Рамсеа II, высѣченныхъ изъ скалы предъ входомъ въ устроенный имъ храмъ при

---

¹⁾ Такъ по сообщенію Тэйлора очень извѣстный англійскій филологъ *E. A. Paley* въ первый разъ узналъ о существованіи такихъ написей, какъ Абусимбельская, о которой будетъ рѣчь ниже, изъ прекраснаго, но сравнительно краткаго учебника Исторіи Греческой Литературы *Maiaffi*, переведеннаго и на русскій языкъ. Находя, что древность такихъ написей не согласна съ его теоріею и взглядами на происхожденіе и время написанія Гомеровскихъ поэмъ, *Mr. Paley* ни мало не усумнился въ справедливости своей теоріи, а усумнился въ древности написей, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно своей глубокой древности, и заявилъ, что, не смотря на всѣ данныя, не смотря на всѣ факты и доказательства, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что нѣтъ ни одной греческой надписи, которая была бы древнѣе Перякла (Taylor Alphab. II. p. 3, примѣч.).

второмъ Нильскомъ водопадѣ въ честь и воспоминаніе своихъ многочисленныхъ побѣдъ и подвиговъ, которые изображены на стѣнахъ этого храма. По словамъ новѣйшихъ путешественниковъ видъ этихъ статуй вмѣстѣ съ окружающею природою производитъ такое же глубокое и неизгладимое впечатлѣніе, какъ видъ Неаполя, Мон-Блана, Ніагары и т. п. чудесъ свѣта ¹⁾.

За шесть вѣковъ до Р. Х. греческіе наемники, бывшіе на службѣ у египетскаго царя Псамметиха, точно также какъ современные намъ туристы, съ удивленіемъ смотрѣли на болоссальныя и уже для того времени древнія статуи великаго египетскаго царя давно минувшихъ вѣковъ и высѣкли свои имена на ногѣ одной изъ статуй. Упоминаніе въ написи царя Псамметиха и посвѣщенія имъ Элефантины позволяетъ опредѣлить время написи. Псамметиховъ было три и все принадлежатъ къ 26 династіи. Два первые Псамметиха дѣйствительно были въ Элефантинѣ и оставили память о своемъ пребываніи тамъ, такъ что написи можно относить или къ I или II Псамметиху, но трудно рѣшить и сказать навѣрное, въ царствованіе котораго именно сдѣланы написи (см. Kirchhoff, Studien zur Gesch. des griech. Alphabets, 3 Aufl. s. 40 слѣд.) Если относить напись ко времени Псамметиха I, какъ дѣлаютъ Lepsius, Ross, Franz и Kirchhoff, то онѣ сдѣланы между 650—620; если ко времени Псамметиха II, то 594—590 до Р. Хр. Разница во всякомъ случаѣ будетъ небольшая, будемъ-ли мы относить написи къ I или II Псамметиху. Въ томъ и другомъ случаѣ написи представляютъ образецъ іонійскаго алфавита, которымъ писали малоазійскіе іоняне около 600 до Р. Хр. и нѣсколько раньше ²⁾.

---

¹⁾ Названіе написей происходитъ отъ мѣстонахожденія въ теперешнемъ *Абу-симбел'ѣ*, произшедшемъ въ свою очередь изъ *Ipsam-bul*, которое возводится къ греческому названію *Psam-polis* = городъ Псама.

²⁾ Древнѣйшая и важнѣйшая изъ Ипсамбульскихъ написей гласитъ въ русск. переводѣ [слѣдующее: Когда царь Псамметихъ пришелъ въ Элефантину, (тогда) написали это (гѣ), которые плыли съ Псамметихомъ сыномъ Теохла; — а шли выше Керкяды, пока дозволяла рѣка. Вель иноязычный Сотасимто и египтянинъ Амазасъ; писалъ Дамеархонъ (сынъ) Ашиваха и Пелекъ сынъ Удама. — Ипсамбульскія написи сохранины были впервые *Baines'омъ* и *Salt'омъ* и опубликованы *Leake'омъ* въ Trans.

Этотъ древнѣйшій *датированный* памятникъ греческаго письма не можетъ однакожь считаться самымъ древнимъ образцомъ греческаго алфавита, не можетъ служить доказательствомъ того, что греческая письменность появилась во время, близкое къ времени написанія Ипсамбульской написи. Относитъ возникновеніе греческой письменности ко времени этой написи, кромѣ другихъ причинъ и соображеній, не позволяетъ уже одно то обстоятельство, что одновременно съ греческою Ипсамбульскою написью сдѣланы карійцами и финиціянами, такими же наемниками, какъ и греки, написи на ихъ языкахъ карійскимъ и финикійскимъ алфавитами, которые уже рѣзко отличаются отъ греческаго, хотя всѣ эти алфавиты одного, финикійскаго происхожденія. Ясно, что со времени заимствованія протекло много времени, если карійцы и греки успѣли выработать своеобразные алфавиты, которые заставляютъ предполагать продолжительное самостоятельное развитіе, выразившееся какъ въ формѣ буквъ и способѣ написанія, такъ и въ образованіи новыхъ знаковъ. Греки уже не пишутъ справа налево, какъ пишутъ финиціяне и какъ писали въ началѣ сами греки, а слѣва направо; финикійскіе придыхательные *aleph, he, chet* и *ajin* и полугласные *vau* и *jod* превратились уже въ гласные *a, e, r, o, u, i*, при чемъ *chet* (*H*) служитъ еще, наряду съ *η* для выраженія звука *h*, что *chet* обозначалъ первоначально. Сверхъ того, греки успѣли уже выработать три новыхъ, неизвѣстныхъ финикійскому алфавиту знака: *φ, χ, ψ*.

Принимая во вниманіе, что перемѣны въ алфавитѣ, какъ показываетъ исторія другихъ алфавитовъ, происходитъ очень медленно, необходимо признать, что со времени перваго заимствованія греками финикійскаго алфавита прошло много времени, во всякомъ случаѣ болѣе одного столѣтія.

---

of Royal Soc. Lit. for 1827. Затѣмъ по снимку Lepsius'a изданы въ Corp. Inscr. Gr. Vol. III, p. 507 № 5126. Снова опубликованы Lepsius'омъ въ его *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien* vol. XII, Bl. 98, 99, гдѣ прибавлено нѣсколько мелкихъ написей, до него не опубликованныхъ. Послѣ этого эти написи издавались и объяснялись много разъ. Изданы онѣ между прочимъ у Kirchhoff'a въ его *Studien zur Gesch. des griech. Alphabet*, на стр. 35 и 36, 3-го изданія, у Rochl'я въ его *Inscriptiones graecae antiquissimae* (Berl. 1882) и у него же въ *Imagines inscript. gr. ant.* (ibid. 1883).

Тэйлоръ (II, стр. 18) полагаетъ, что необходимо предположить 4 или даже 5 стол., слѣд., относить первое появленіе у Грековъ письменности за 1000 и даже за 1100 лѣтъ до Р. X.

Посмотримъ, на сколько справедливы эти соображенія и чѣмъ они доказываются. Греческія преданія, какъ извѣстно, относили заимствованіе финикійскаго алфавита къ очень давнимъ временамъ и связывали введеніе финикійскаго алфавита въ Элладѣ собственно съ именами Кадма¹⁾ и сестры его Европы, изъ которыхъ первое означаетъ „востокъ“, а второе „западъ“, собственно тѣма, мракъ, гдѣ заходитъ солнце, и съ финикійскою колоніею въ Віотіи, Оивами, акрополь которой и въ послѣдствіи назывался Кадмеею²⁾. Но прежде, нежели финикійяне добрались до материка, они основывали колоніи на островахъ и между прочимъ на о. Тира, Оирѣ и др., какъ указываетъ и преданіе о странствованіяхъ и цивилизаторской дѣятельности Кадма. Островъ Тира (Tera), обозначенный преданіемъ, какъ мѣсто древнѣйшей финикійской колоніи, откуда они перешли на материкъ (Оивы), представляетъ собою то замѣчательное въ эпиграфикѣ греческой мѣсто, гдѣ найдены самые древніе образцы греческаго письма. Эти образцы, въ которыхъ буквы греческаго алфавита имѣютъ формы, какъ нельзя болѣе близкія, почти тождественныя съ древнѣйшими финикійскими буквами, по мнѣнію нѣкоторыхъ, древнѣе самыхъ древнихъ дошедшихъ до насъ финикійскихъ памятниковъ. Къ сожалѣнію Оирейскія написи даютъ одни имена оирейскихъ колонистовъ, поселившихся на этомъ островѣ и вытѣсненныхъ финикійскихъ колонистовъ, такъ что для опредѣленія времени ихъ написанія могутъ служить только палеографическія данныя, основанныя на сравненіи Оирейскихъ написей съ другими датированными греческими и финикійскими

¹⁾ Глав. свидѣт. Herod. V, 58 слѣд. Ср. прим. къ этой гл. I. K. G. *Baehr'a*.

²⁾ Сами Греки приписывали изобрѣтеніе и введеніе финикійскаго алфавита, а равно его дополненіе и усовершенствованіе разнымъ, болѣею частію мифическимъ героямъ: Орфею, Музею, Лину, Кепрону, Палимеду, Кадму и нѣкотор. другимъ. Сказанія объ этомъ сопоставлены между прочимъ въ *Elementa Epigraphices graecae*, pag. 12 sequ. и собраны въ «Alphabet», Lenormant'a, — статья, помѣщенной въ *Dictionn. des antiquités grecques et romaines Daremberg'a et Saglio*.

написями; потому время написанія ихъ опредѣляли разнo. *Aug. Boeckh*, издавшій впервые Оирейскія написи въ 1836 въ *Abhandl. d. hist.—philolog. Klasse d. Berl. Acad.* по снимкамъ Прокеша и Росса, отосилъ одни къ 40-мъ ол., другія ко времени Персидскихъ войнъ. Другой знаменитый знатокъ греческой эпиграфики, Кирхгоффъ (*Studien*, 3 Aufl, 53), допуская, что оирейскій алфавитъ развивался нѣсколько медленнѣе іонійскаго, всетаки считаетъ необходимымъ признать, что „Оирейскія написи очевидно гораздо древнѣе даже Ипсамбульской написи, что ихъ всѣ можно отнести къ второй половинѣ VII вѣка и что быть можетъ, слѣдуетъ считать ихъ написанными ранѣе 40-й олимп. 620).—*Lenormant* (s. v. *Alphabet* въ *Diction. des antiqu. Daremberg'a* и *Saglio*) распредѣляетъ Оирейскія написи на 3 разряда: самыя древнія онъ относитъ къ IX и первой половинѣ VIII в. до Р. X.; менѣе древнія—ко времени съ половины VIII до половины VII; наконецъ самыя позднія—ко второй половинѣ VII в., отъ XXX олимп. д. до XLV ол. Въ такой древности Оирейскихъ написей убѣждаетъ Ленормана, кромѣ другихъ соображеній, полное сходство, почти тожество большой части оирейскихъ буквъ съ ихъ финикійскими прототипами. Тэйлоръ идетъ еще дальше: написанныя слѣва направо онъ относитъ къ VII же вѣку, написанныя вустрофидонъ къ болѣе ранней эпохѣ; написанныя справа налѣво онъ считаетъ первымъ дошедшимъ до насъ образцомъ европейскаго письма и относитъ ихъ ко времени дорійскаго завоеванія. Въ этихъ трехъ группахъ Тэйлоръ видитъ остатки письменности нѣсколькихъ поколѣній, въ теченіе которыхъ семитскій алфавитъ и семитская манера писать измѣнились въ греческіе и выработалось нѣсколько самостоятельныхъ знаковъ. Всѣ эти преобразованія, происшедшія въ періодъ написанія Оирейскихъ написей, заставляють Тэйлора предполагать, что между самою древнею Оирейскою написью и самою позднею прошло одно и даже два столѣтія, да столько же нужно предположить для тѣхъ видоизмѣненій въ алфавитѣ, которыми отличаются Ипсамбульскія написи отъ позднихъ Оирейскихъ, такъ что древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники греческаго письма мы должны, по мнѣнію Тэйлора, относить къ IX или X в. А такъ какъ въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ греч. письма, т. е. въ древнѣйшихъ Оирейскихъ написяхъ, являются уже знаки для гласныхъ, выработавшіеся изъ финикійскихъ придыхательныхъ

и полугласныхъ, то отъ древнѣйшихъ Оирейскихъ до времени заимствованія греками финикійскаго алфавита нужно предположить тоже два или три столѣтїя, такъ что самое заимствованіе, слѣд., будетъ относиться къ XI или даже XII в. до Р. Хр.

Нельзя не согласиться съ Тэйлоромъ въ томъ, что всѣ Оирейскія написи было бы неправильно съ Кирхгоффомъ относить къ одной эпохѣ; между ними какъ въ формѣ буквъ и манерѣ писать, такъ и въ составѣ буквъ такая большая разница, что считать ихъ принадлежащими одному времени едва ли возможно. Точно также необходимо допустить извѣстный промежутокъ времени для выработки тѣхъ отличій и нововведеній, которыми отличается древнѣйшій греческій алфавитъ отъ финикійскаго. Весьма вѣроятно и то, что древнія Оирейскія написи даже самыя позднія древнѣе Ицсамбульскихъ написей. Но, допуская эти положенія, нѣтъ еще необходимости допускать и предполагать цѣлыя два, три столѣтїя для тѣхъ видоизмѣненій въ алфавитѣ, на которыхъ Тэйлоръ основываетъ свои вычисленія. Такъ, едва ли необходимо предполагать цѣлыхъ два и даже три стол. для выработки изъ финик. придыхательныхъ и полугласныхъ греческихъ знаковъ для гласныхъ. Такъ какъ при заимствованіи чужаго алфавита возможно только приблизительное, а далеко не всегда точное выраженіе звуковъ заимствующаго народа знаками заимствованнаго алфавита, то можно допустить, что греки очень скоро стали употреблять финикійскія придыхательныя (aleph, he, ajin) и полугласныя (jod и vau) въ обоюдномъ значеніи, подобно тому, какъ позднѣе употреблялось chet (H), такъ какъ безъ этихъ главныхъ и необходимыхъ знаковъ для гласныхъ имъ трудно, если вообще возможно, было обходиться, и писать подобно финикійцамъ безъ гласныхъ. Точно также ничѣмъ нельзя доказать, что для развитія отличій въ манерѣ писать, формѣ буквъ и возникновенія изъ старыхъ буквъ новыхъ (H для выраженія ē и Θ для выраженія ω), чѣмъ отличаются древнѣйшія Оирейскія написи отъ позднѣйшихъ, необходимы цѣлыя столѣтїя. Еще менѣе можно дѣлать прочные выводы на основаніи разницы и архаическихъ особенностей, которыми отличаются Оирейскія написи отъ Ицсамбульскихъ и на которыя Тэйлоръ отчисляетъ до 2-хъ столѣтій. Какъ ни соблазнительны предположенія Тэйлора для защитниковъ ис-

коннаго единства и древности Гомеровскихъ поэмъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что эти предположенія основаны на очень непрочныхъ данныхъ и не могутъ быть доказаны строго научными и для всѣхъ убѣдительными доказательствами. Противъ подобныхъ предположеній можно указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что заимствованный у финикійцевъ алфавитъ развивался у разныхъ греческихъ племенъ, въ разныхъ греческихъ странахъ, далеко не съ одинаковою быстротою: между тѣмъ какъ малоазійскіе греки давно уже выработали полный и законченный греческій алфавитъ, другія племена и республики употребляли старый неполный алфавитъ; даже прогрессивные аеиняне въ этомъ случаѣ оказались большими консерваторами и до Евклида пользовались старымъ алфавитомъ, въ которомъ не было нѣкоторыхъ знаковь, давнымъ давно выработавшихся и употреблявшихся въ малоазійской іонійской письменности. Фирейскіе написи принадлежатъ именно къ тому алфавиту (кадмейскому), который такъ упорно держался старыхъ традицій; потому съ одной стороны онъ могъ удержать много древнихъ чертъ до сравнительно поздняго времени, а съ другой іонійскій алфавитъ, которымъ написаны Ипсамбульскія написи, могъ развиваться гораздо быстрѣе, нежели кадмейскій, а слѣд., и напись Ипсамбульская можетъ не раздѣляться отъ Фирейскихъ двумя столѣтіями, какъ предполагаетъ Тэйлоръ, а значительно меньшимъ количествомъ лѣтъ, такъ что вообще въ гипотезѣ Тэйлора можетъ быть произведены значительныя сокращенія въ цифрахъ, на которыя онъ очень щедръ, но которыя нельзя доказать на основаніи существующихъ матеріаловъ. Да и самъ Тэйлоръ въ одномъ мѣстѣ (II, 29) говоритъ, что „позднія Фирейскія написи, написанныя слѣва направо алфавитомъ, приближающимся къ Ипсамбульскому типу, могутъ быть отнесены къ VII столѣтію“, слѣд., вовсе не такъ далеко ставить ихъ отъ Ипсамбульскихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ той же главы (стр. 39—40), гдѣ, какъ уже было сказано, онъ допускаетъ по меньшей мѣрѣ два столѣтія, которыя, по его мнѣнію, должны раздѣлять позднѣйшія Фирейскія отъ Ипсамбульскихъ. Приближая позднѣйшія Фирейскія къ Ипсамбульскимъ, Тэйлоръ сходится болѣе или менѣе съ Ленорманомъ, который также, какъ мы видѣли, относитъ написаніе Фирейскихъ написей ко времени отъ IX в. до XXX ол.; англійскій ученый очевидно

позднѣйшія Оирейскія относятъ только скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ VII в. Во всякомъ случаѣ золотая середина, которую въ данномъ случаѣ занимаетъ знаменитый французскій ученый, намъ кажется болѣе близкою къ истинѣ, чѣмъ слишкомъ щедрыя цифры Тэйлора и крайняя скупость Кирхгоффа, который, признавая самъ Оирейскія написи „гораздо древнѣе“ Ипсамбульскихъ и находя между самими Оирейскими большую разницу въ палеографическомъ отношеніи, относитъ ихъ однакожь всѣ къ одному времени и притомъ очень близкому къ Ипсамбульскимъ написямъ.

Допустивъ, на основаніи весьма значительнаго прогресса въ развитіи алфавита, который мы видимъ въ Ипсамбульскихъ написяхъ сравнительно съ Оирейскими, что послѣднія значительно древнѣе первыхъ и что Оирейскія написи древнѣйшія раздѣляются отъ позднѣйшихъ нѣсколькими десятками и даже сотнею лѣтъ, мы можемъ съ болшею вѣроятностью относить древнѣйшія Оирейскія написи къ началу VIII или концу IX вѣка, а возникновеніе греческой письменности къ началу IX или даже ко второй половинѣ X в.

Изъ первоначальнаго греческаго алфавита (кадмейскаго), которымъ написаны Оирейскія написи и другіе древнѣйшіе памятники греческой письменности, разными племенами и республиками выработаны довольно многочисленныя мѣстные алфавиты, которыхъ съ открытіемъ эпиграфическихъ матеріаловъ насчитываютъ все болше и болше. Въ этихъ мѣстныхъ алфавитахъ различаются двѣ большихъ группы, два главныхъ типа алфавитовъ: іонійскій или восточный алфавитъ малоазійскихъ грековъ и западный алфавитъ Элады и италійскихъ колоній¹⁾. Первый изъ нихъ, принятый въ 403 году Аѣинами, дѣлается мало по малу общегреческимъ алфавитомъ и становится родоначальникомъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ алфавитовъ, въ томъ числѣ и словянскаго; второй, заимствованный у грековъ италійскими народами, дѣлается родоначальникомъ разныхъ италійскихъ алфавитовъ, въ томъ числѣ и латинскаго, который въ свою оче-

---

¹⁾ *Kirchhoff. Studien*, s. 161.

редь становится источникомъ разныхъ алфавитовъ Западной Европы.

Въ этихъ выработанныхъ и окончательно установившихся алфавитахъ, сравнивая ихъ съ финикійскими прототипами мы находимъ: 1) знаки для гласныхъ *α, ε, ο, ι, υ*, вышедшіе, какъ уже было сказано, изъ придыхательныхъ: *aleph, he, ajin* и полугласныхъ *jod* и *vau*. Послѣдній знакъ, служившій первоначально для обозначенія звука *y*, развился изъ того финикійскаго знака для полугласнаго *vau*, изъ котораго вышла названная въ послѣдствіи грамматиками дигамма *F*, означавшая звукъ *v* и сохранившая въ западныхъ алфавитахъ, а слѣд., и италійскихъ свое прежнее мѣсто. Въ іонійскомъ алфавитѣ, утратившемъ этотъ звукъ, пересталъ употребляться и знакъ, за исключеніемъ нумераціи посредствомъ алфавита, причемъ *F* занимала свое первоначальное мѣсто и означала 6. Вышедшій изъ финикійск. знака *vaui* знакъ для гласнаго *υ* занялъ во всѣхъ алфавитахъ первое мѣсто послѣ буквъ финикійскаго алфавита, въ которомъ было 22 буквы и который заканчивался буквою *T*. Это же мѣсто, какъ извѣстно занимаетъ и латинское *u*.

До нѣкоторой степени сходную съ *F* судьбу имѣла въ греч. алфавитѣ финик. буква *chet* (*H*). Сначала этотъ знакъ употреблялся для выраженія звука *h* (лат.), какъ видно между прочимъ изъ Фирейскихъ написей, потомъ для выраженія слога *he* (напр. *HPAKAEIQN*) и наконецъ въ восточныхъ алфавитахъ для выраженія долгаго *ē*, въ каковомъ значеніи *H* является уже въ Фирейскихъ написяхъ; было время, когда *H* употреблялось и въ значеніи гласнаго *ē* и въ значеніи согласнаго *h*. Въ италійскихъ алфавитахъ и латинскомъ *H* сохраняетъ свое древнее значеніе *h*, и потому занимаетъ то самое мѣсто, которое въ греческомъ занимаетъ *η*. Въ греческомъ алфавитѣ съ утратою придыхательнаго значенія изъ *H* выработались особые знаки придыханія: *h* для густаго и *h̄* для легкаго, которые потомъ въ рукописяхъ стали изображаться *h* и *h̄*, а въ скорописи *h* и *h̄*. Измѣненія въ значеніи, которымъ подверглось финикійское *chet* въ греческомъ алфавитѣ, всего яснѣе видны на Ираклейскихъ монетахъ, гдѣ значеніе *H* постепенно измѣняется изъ *h* въ *ē*. *HEPAKAEIQN, HPKAEIQN, HPKANIQN*. — Италійскіе алфавиты и латинскій, заимствовавши *H* въ значеніи *h*, остались при одномъ знакѣ для враткаго и долга-

го ϵ , какъ было первоначально у грековъ. Точно также латинскій алфавитъ остался при одномъ O , которое у грековъ первоначально служило для выраженія o , ω и ou (вышедшаго изъ oo и eo) и называлось $o\tilde{u}$, между тѣмъ какъ въ греческихъ алфавитахъ развился потомъ изъ o особый знакъ для долгаго $\tilde{o}$ (ω), изображавшійся уже въ нѣкоторыхъ Фирейскихъ написяхъ посредствомъ o съ точкою въ срединѣ¹⁾.

2) Кромѣ этихъ новыхъ знаковъ греческій языкъ нуждался въ особыхъ знакахъ для θ , χ и φ , которыхъ не было въ финикійскомъ алфавитѣ и которые греки выработали, частью взявши готовые знаки, частью преобразовавши финикійскіе въ новые. Такъ для выраженія θ (th), φ , χ въ самыхъ древнихъ Фирейскихъ написяхъ употребляется по два знака: ΘH , ΠH и QH , KH ; а въ болѣе позднихъ Фирейскихъ и Ипсамбульскихъ написяхъ мы уже видимъ, что o съ крестомъ въ срединѣ употребляется одно въ значеніи θ ; въ Ипсамбульскихъ, какъ и другихъ древнѣйшихъ написяхъ, o съ вертикальною чертою въ срединѣ употребляется для выраженія φ ; точно также для выраженія χ въ Ипсамбульскихъ и другихъ древнихъ написяхъ мы уже находимъ тотъ знакъ (въ родѣ Андреевскаго креста), который и въ послѣдствіи употреблялся у восточныхъ грековъ для выраженія этого звука. Очевидно, θ , употреблявшееся прежде вмѣстѣ съ h для выраженія греч. звука θ , стало считаться достаточнымъ одно для выраженія этого звука; мало того, тотъ же финикійскій $teth$ (θ), благодаря сходству звуковъ θ и φ , по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ діалектахъ, сталъ употребляться для выраженія φ , только съ незначительною разницею въ начертаніи: вмѣсто поперечной черты или креста въ кругу, какъ писалось θ , въ φ мы имѣемъ вертикальную черту (Φ), проходящую черезъ кругъ²⁾.

Гораздо труднѣе объяснить происхожденіе и способъ

¹⁾ См. Kirchhoff, Studien, 5. 52.

²⁾ Такъ объясняетъ происхожденіе Φ Ленорманъ въ Dict. des Antiquités; p. 203. Его аргументы повторяетъ Тэйлоръ (II, 89), который въ доказательство близости звуковъ θ и φ приводитъ даже тотъ фактъ, что „русскіе *Theodor* измѣняютъ въ *Feodor*“.—фактъ, совершенно къ дѣлу не относящійся, такъ какъ для словянъ оба эти звука (θ и φ) чужды и (въ словахъ заимствованныхъ) всегда произносились одинаково.

образования знака для χ , тѣмъ болѣе, что этотъ знакъ ($X, \text{†}$) только въ восточныхъ алфавитахъ имѣеть такое значеніе; въ западныхъ и италійскихъ онъ имѣеть уже значеніе *кс* (лат. *x*), между тѣмъ какъ для выраженія χ тамъ употреблялся знакъ (Ψ, V) употреблявшійся въ восточныхъ алфавитахъ для выраженія *пс* (Ψ). Такъ какъ въ Фирейскихъ написяхъ X выражается посредствомъ KH или QH , то Тэйлоръ (II, 90) полагаетъ, что восточное X вышло изъ K , въ которомъ нижняя правая черта проведена чрезъ прямую лѣвую черту, а верхняя правая исчезла, а западное $\Psi = \chi$ вышло изъ Q , въ которомъ верхній конецъ круга открытъ. Въ пользу такого толкованія говоритъ аналогія съ Θ , которая тоже стала съ нѣкоторою модификаціей употребляться одна вмѣсто прежнихъ двухъ знаковъ. Видоизмѣненіе K видить въ χ и Ленорманъ (ibid. 203), но что и какъ измѣнилось въ K , онъ не объясняетъ. Намъ кажется, что, если χ вышло изъ K , то не тѣмъ способомъ, какой предполагаетъ Тэйлоръ, а благодаря другому приему писанія того-же K : X есть тоже K , но написанное такъ, что верхняя правая черта сдѣлана въ одинъ приемъ съ нижнимъ концомъ лѣвой, а нижняя правая съ верхнимъ концомъ лѣвой, что и составляетъ вмѣстѣ взятое X . Все это было бы довольно вѣроятно и убѣдительно, если бы X въ западныхъ алфавитахъ не употреблялось въ значеніи *кс*, а Ψ въ восточныхъ для выраженія $\psi = \text{пс}$. Тэйлоръ и здѣсь выходитъ изъ затрудненія очень легко, полагая, что восточное ψ вышло изъ Φ точно такимъ же образомъ, какъ западное $\Psi = \chi$ вышло изъ Q . Дѣло въ томъ, что до образования особаго знака для *пс*, онъ выражался посредствомъ или $\Pi\Sigma$ или $\Phi\Sigma$. Тэйлоръ и беретъ послѣдній способъ изображенія ψ , какъ источникъ этого знака, думая, что одно видоизмѣненное, т. е., открытое наверху Φ , стало употребляться вмѣсто двухъ буквъ, какъ одно *teth* (θ), одно K , одно Q употреблялось вмѣсто двухъ знаковъ. Западное $X =$ восточн. Ξ Тэйлоръ вмѣстѣ съ Францемъ производитъ изъ финикійскаго *samex*, хотя по его системѣ слѣдовало выводить изъ K или X , служившаго прежде вмѣстѣ съ Σ для выраженія Ξ ($K\Sigma, X\Sigma$). Отступить отъ своей системы Тэйлора очевидно заставило то обстоятельство, что Ξ занимаетъ то самое мѣсто, которое занимаетъ финикійск. *samex*.

Не говоря уже о томъ, что всѣ объясненія Тэйло-

ра строятся на очень шаткихъ основаніяхъ, и предполагаемыя имъ видоизмѣненія К въ X, Q въ Y (=X) и φ въ ψ не подтверждаются никакими палеографическими памятниками; противъ его теоріи, какъ намъ кажется, всего сильнѣе говорить то обстоятельство, что Y, который Тэйлоръ производитъ отъ двухъ, совершенно различныхъ знаковъ, имѣлось уже въ томъ самомъ алфавитѣ, изъ котораго заимствованы всѣ другія буквы греч. алфавита. Въ древнѣйшихъ финикійскихъ написяхъ, между прочимъ и въ финик. написяхъ на Ипсамбульскомъ колоссѣ, гдѣ посредствомъ Y изображается греч. ψ, финик. *шин* изображается знакомъ, совершенно тождественнымъ по формѣ съ греч. ψ. Тоже мы находимъ и въ другихъ древнихъ финик. написяхъ: *шин* изображается также, какъ греки этого времени писали знакъ Y, одни для выраженія пс, другіе X. Если мы примемъ во вниманіе, что и X (χ и κс) въ древнѣйшей своей формѣ (+) есть ничто иное, какъ первоначальное Ξ (ξ), съ чѣмъ соглашается и Тэйлоръ, то самъ собою является вопросъ, не представляетъ ли собою Y, точно также какъ Ξ, одинъ изъ финикійскихъ свистящихъ и шипящихъ, именно *шин*, который получивъ другое значеніе, т. е., пс. или φσ, занялъ и другое мѣсто, уступивъ свое прежнее мѣсто развившемуся изъ него же знаку, служащему для выраженія чистаго σ (сигма). Но при этомъ возникаетъ вопросъ, какъ же объяснить разное значеніе этихъ знаковъ въ разныхъ алфавитахъ? Что касается до X+ = Ξ и X, то, принимая во вниманіе ихъ первоначальное изображеніе посредствомъ kh (χ) и ks (Ξ) или даже χσ, можно думать, что произношеніе ихъ имѣло нѣкоторое сходство, такъ что одинъ и тотъ же знакъ финик. могъ употребляться для выраженія нѣсколько сходныхъ между собою сложныхъ звуковъ, въ разныхъ алфавитахъ въ одинаковой формѣ, въ одномъ и томъ же съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ для болѣе точнаго отличія одного знака отъ другаго. Такъ какъ въ западныхъ алфавитахъ за знакомъ + X утвердилось значеніе KΣ или XΞ, то для выраженія χ они взяли по всей вѣроятности уже употреблявшійся въ восточныхъ для выраженія пс или φσ знакъ финикійскаго *шин*, который въ своемъ первоначальномъ значеніи

чальномъ значеніи выражалъ звукъ, по всей вѣроятности стоявшій даже ближе къ χ , чѣмъ греч. ψ .—¹⁾

Такимъ образомъ четыре послѣднихъ буквы греческаго алфавита, (кромѣ ω , которая вышла изъ o , и не представляетъ никакихъ затрудненій), а именно ν , φ , χ , ψ вышли изъ тѣхъ же первоначальныхъ знаковъ, изъ которыхъ вышли F , Θ , Ξ и Σ , т. е. изъ финикійскихъ *jod*, *teth*, *samex* и *shin*.

Не менѣе затрудненій представляютъ свистящія и шипящія; въ финик. алфавитѣ ихъ было четыре: *zain*, *samex*, *cade*, *shin*, изъ которыхъ греки удержали 3: ζ (=зайн), σ (шин) и ξ (=самех), но какъ свидѣтельство Иродота, такъ и написи указываютъ на то, что ихъ было 4; вмѣсто іонійской сигмы Σ , по свидѣтельству Иродота, доране употребляли *san*. Тэйлоръ полагаетъ, что это сан тотъ самый знакъ, который между прочимъ употребляется въ Эирейскихъ написяхъ (*M*) и цифровое значеніе котораго (сан, позднѣе сами означаетъ какъ и финик. *cade* 900) позволяетъ скорѣе сопоставлять его съ *cade*, чѣмъ съ *shin* (II, 97 слѣд.). Если это предположеніе справедливо, то сигма (Σ), по названію напоминающая несомнѣнно болѣе самех, чѣмъ *shin*, по формѣ, по мѣсту и цифровому значенію будетъ соответствовать шин.—Очень возможно, что самех, получивши значеніе ξ , получилъ и другое, болѣе соответствующее выражаемымъ звукамъ названіе, между тѣмъ какъ его названіе въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ перешло на другой, близкій болѣе или менѣе по значенію знакъ, т. е., *shin*.²⁾

Чтобы покончить съ греческимъ алфавитомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ знакахъ, которые писались разнo или въ однихъ алфавитахъ употреблялись, въ другихъ исчезли и которыми потому отличаются господству-

¹⁾ Мнѣніе о происхожденіи греч. знака Ψ изъ финикійскаго шин высказывалось и другими (см. Таулог. II, 91). — Ссылка Тэйлора на то, что въ древ. Критск. написяхъ χ выражается посредствомъ K , не подтверждаетъ его объясненія развитія χ изъ K , такъ какъ въ тѣхъ же написяхъ вмѣсто φ пишется π ; слѣд., написаніе K вмѣсто χ указываетъ или на особенность діалекта или на отсутствіе особыхъ знаковъ для χ и φ въ алфавитѣ. Kirchhoff, Studien, S. 63. Ср. G. Meyer. Gr. Gr. § 204 folg.

²⁾ Ср. Franz, Elem. p. 15 sequ. Lenormant, Alphas.

ющіе до сихъ поръ европейскіе алфавиты, т. е., латинскій и греко-словянскій.

Сюда принадлежатъ Л, I, Q, F, P, Π, Δ, D.

Ламбда, финик. ламед, имѣеть въ греч. алфавитахъ двѣ формы: Λ и λ, изъ которыхъ вышли позднѣйшія греч. и латинскія формы Л, при чемъ лат. форма, употребившаяся до Евклида и въ аттическомъ алфавитѣ, въ которомъ Λ означало Γ, ближе подходитъ къ первоначальному финикійскому ламед.

Точно также лат. алфавитъ удержалъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ Q и F (коппа и вау), которыя довольно долго, особенно F (дигамма), держались и въ греческихъ, не іонійскихъ алфавитахъ, но затѣмъ, съ введеніемъ іонійскаго алфавита, совершенно вышли изъ употребленія, заисключеніемъ нумерации, въ которой эти знаки сохранили и прежнее мѣсто и прежнее значеніе, значительно измѣнивши въ рукописяхъ свою форму (F писалась какъ „зѣло“ или походила на знакъ для лигатуры στ, почему и называлась стигмою).

Замѣчательна судьба P и R съ одной стороны, и Π и P съ другой, которыми такъ рѣзко отличаются греч. и лат. алфавиты съ своими потомками, между тѣмъ какъ первоначально такого отличія вовсе не было. Какъ греч. P, такъ и лат. R вышли изъ одного знака P или ϩ, съ прибавкою для отличія отъ Δ во многихъ греч. алфавитахъ новой черты справа, которая и перешла въ латинскій. Точно также оба знака для Π вышли изъ ϩ или Γ, причемъ въ однихъ алфавитахъ болѣе короткая черта продолжена до одинаковой длины съ первой, въ другихъ она закругляется до соединенія съ вертикальной, изъ чего вышло латинское P. Въ нѣкоторыхъ греч. алфавитахъ закругленная черта въ греч. P доходитъ до конца первой черты, такъ что p получаетъ форму тождественную съ лат. D, которое въ свою очередь отличается отъ греч. Δ только округленностью правого нижняго угла и вышло изъ ϩ = Δ. Та форма d, которую имѣла эта буква въ позднѣйшемъ алфавитѣ, употреблялась и въ греческихъ алфавитахъ разныхъ государствъ (см. таблицы Kirchhoff'a въ Studien). Такое же закругленіе угла произошло въ нѣкоторыхъ греч. и лат. C, соответствующемъ греч. Γ, которая изъ первоначальной формы Γ развилась въ разныхъ алфавитахъ въ Δ, <, C и въ Г.

Такимъ образомъ греки, заимствовавъ финикійскій алфавитъ и преобразовавши его въ греческій (іонійскій), удержали слѣдующіе знаки: *A* (aleph), *B*, (beth), *Г* (gimel), *Δ* (daleth), *E* (he), *Z* (zain), *H* (cheth), *Θ* (teth), *I* (iod), *K* (kaph), *Λ* (lamed), *M* (mem), *N* (nun), *Ξ* (samech), *O* (ain), *Π* (pe). (*Κ* (Q) какъ и *F* (vau) вышло изъ употребленія у грековъ, но сохранилось въ лат. алфавитѣ). Далѣе взяты: *P* (resh), *Σ* (шин = сигма), *T* (tau). Выработаны греками изъ финикійскихъ: *Υ* (изъ vau), *Φ* (изъ *Θ*), *X* (изъ *K* или *Ξ*), *Ψ* (изъ шин или *Φ*?), *Ω* (изъ *O*). Въ качествѣ цифръ греки употребляли всѣ буквы финик. алфавита, въ томъ же порядкѣ, до цадѣ, который у грековъ занялъ мѣсто послѣ *ω*, въ значеніи 900, и въ позднѣйшее время назывался *сампи*.

Отъ грековъ заимствовали алфавитъ италійскія племена; всѣ италійскіе алфавиты: этрусскій, оскскій, умбрскій и др. происходятъ повидимому изъ одного источника, который большею частію видятъ въ халкидскомъ (Еввіа) алфавитѣ, перешедшемъ въ Италію при посредствѣ самыхъ раннихъ греческихъ колоній: Кумы и Неаполи¹⁾.

Самый главный и вытѣснившій съ теченіемъ времени другіе италійскіе алфавиты латинскій алфавитъ отличается отъ греческаго, какъ извѣстно тѣмъ, что въ немъ а) *C*, *D*, *R*, *P*, *S*, *X* отличаются по формѣ отъ соотвѣствующихъ греческихъ буквъ, о чемъ сказано выше; б) *X*, *Y*, *Z* занимаютъ не то мѣсто, которое они занимаютъ въ греческомъ алфавитѣ, в) сохранились утраченныя въ греческомъ буквы *F* и *Q*; д) выработался изъ *C* новый знакъ *G*, е) не взяты выработанныя элинами новыя знаки: *θ*, *φ*, *χ*, *ψ*, *ω*, хотя нѣкоторыя изъ нихъ удержаны въ качествѣ числовыхъ зна-

¹⁾ По мнѣнію Тэйлора, какъ историческія, такъ и палеографическія данныя указываютъ на то, что это заимствованіе греческаго халкидскаго алфавита произошло въ IX в., такъ какъ древнѣйшіе италійскіе алфавиты древнѣ Иссамбульскихъ написей и новѣ древнѣйшихъ Офрейскихъ. Въ виду того, что италійцами заимствованы и вновь выработанныя греками буквы, но не вошли только въ лат. алфавитъ, едва ли можно предполагать такое раннее заимствованіе, какое допускаетъ Тэйлоръ. Ср. Mommsen. Röm. Geschichte, 5 Aufl. s. 214 слѣд. Leporant, Alphabet, 209 слѣд (въ Distion. Daremberg'a и Saglio). Kirchhoff, Studien, s. 167 слѣд.

ковъ. Удаленіе Z на конецъ алфавита объясняется тѣмъ, что эта буква, бывшая въ алфавитѣ при его заимствованіи, была затѣмъ оставлена, какъ ненужная, а потомъ снова внесена въ него, когда въ ней оказалась надобность для написанія греч. словъ, точно также какъ было для той же цѣли заимствовано Y, нѣсколько ранѣе Z, хотя это Y представлено уже въ лат. алфавитѣ соотвѣтствующимъ U. X занимаетъ то мѣсто, которое оно занимало въ халкидскомъ греч. алфавитѣ, прямо послѣ Y, но не то, которое эта буква (ξ) занимаетъ въ іонійскомъ и вообще восточныхъ алфавитахъ.—Мѣсто Z, вышедшаго изъ употребленія, занялъ въ лат. яз. новый, собств. лат. знакъ G, развившійся изъ C, соотв. греч. Γ. Этотъ послѣдній знакъ, получивъ, благодаря вліянію э т р у с с к о й письменности, гдѣ нѣтъ G и гдѣ Γ употреблялось въ значеніи K, вытѣснилъ за немногими исключеніями греч. K; но такъ какъ въ лат. яз. всетаки сильно чувствовалась потребность въ отличіи K отъ Γ, то около половины III в. до Р. X. изъ C выработанъ былъ особый знакъ для Γ G, который изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ впервые появляется на знаменитой гробницѣ Сципіона Бардатого (Scipio Barbatus) ¹⁾.

Выработавшійся такимъ образомъ латинскій алфавитъ былъ заимствованъ западно-европейскими народами, образовавшими новыя государства на развалинахъ Западной Римской Имперіи. Этотъ алфавитъ вытѣснилъ образовавшіеся прежде и существовавшіе у нѣкоторыхъ племенъ алфавиты: *руническій* и *готскій* ²⁾. Тэйлоръ, да не одинъ

¹⁾ Лат. алфавитъ, перейдя къ западнымъ европейскимъ народамъ, подвергся сравнительно незначительнымъ измѣненіямъ и теперешній печатный алфавитъ романскихъ народовъ представляетъ собою минускульное письмо X—XI вв., между тѣмъ какъ такъ назыв. готическій представляетъ скоропись XII—XIV вв.

²⁾ Руны, которымъ, въ числѣ другихъ, и Тэйлоръ посвятилъ особое сочиненіе: *Greeks and Goths, a study on the Runes*, раздѣляетъ на нѣсколько категорій по мѣсту и времени, и не считая вѣроятнымъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые видѣли въ рунахъ прямой продуктъ финскійскаго алфавита, занесеннаго во времена глубокой древности финскійскими купцами, Тэйлоръ считаетъ возможнымъ говорить только о лат. и греч. алфавитѣ, какъ объ источникѣ рунъ. Въ пользу лат. ал-

онъ, думаетъ даже, что латинскому алфавиту суждено поглотить всѣ другіе алфавиты азіатскіе и европейскіе и замѣнить всѣ національныя алфавиты, а введеніе латинскаго алфавита въ Россіи и замѣна имъ кириллицы въ другихъ словянскихъ странахъ въ глазахъ англійскаго ученаго есть только вопросъ времени (II, 186). Но тотъ же Тэйлоръ черезъ нѣсколько страницъ, когда говоритъ о русскомъ алфавитѣ, замѣчаетъ, что другая (первая лат.) распространенная отрасль греческаго алфавита, алфавитъ словяно-русскій, кириллица, представляетъ собою одинъ изъ трехъ господствующихъ алфавитовъ (другіе два: латинскій и арабскій), и занимаетъ площадь, равную 7-й части всего земнаго шара.

Мы не станемъ спорить съ Тэйлоромъ и съ единомышленниками о томъ, какой изъ трехъ господствующихъ въ настоящее время алфавитовъ возьметъ перевѣсъ. Это покажетъ будущее и трудно предсказать, что будетъ; но за то можно сказать, что кириллица, не уступая латинскому въ простотѣ и ясности, имѣетъ для словянскихъ языковъ большія преимущества предъ латинскимъ алфавитомъ, какъ алфавитъ, специально приспособленный къ словянскимъ звукамъ, и потому едва ли можно ожидать замѣны его латинскимъ у словянскихъ народовъ, употреблявшихъ его 1000 лѣтъ. Едва ли словяне уподобятся румынамъ, открывшимъ въ себѣ прямыхъ потомковъ рим-

---

фавита высказались Кирхгоффъ и Виммеръ; но палеографич. данныя позволяютъ, по мнѣнію Тэйлора, искать источника рунъ только въ греческомъ алфавитѣ греческихъ колоній Понта Эвксинскаго, съ которыми Готы, жившіе въ отдаленныя времена въ Западной Россіи, были въ торговыхъ сношеніяхъ, какъ видно изъ находимыхъ тамъ греческихъ монетъ. Это заимствованіе, по мнѣнію Тэйлора, произошло не позднѣе 6 в., такъ какъ древнѣйшія руны написаны сирава налѣво или вустрофлдопъ, слѣд., до V в., когда у Грековъ окончательна и повсемѣстно установился способъ писанія слѣва направо. — *Готскій* алфавитъ, составленный Вульфилою (318—388), епископомъ Готскимъ для перевода на готскій языкъ библіи, извѣстенъ по «Codex Argenteus», находящемуся въ Унсгалѣ и написанному, какъ полагаютъ, въ Италіи, въ VI в. Въ основаніе этого алфавита положены греческіе унциалы IV в., съ прибавкою нѣкоторыхъ буквъ, заимствованныхъ частію изъ готскихъ рунъ, частію изъ латинскаго алфавита. О Готѣ. алфавитѣ писали между проч. *Zacher*, Das Gothische Alphabet Vulfilas, 1855; *Kirchhoff*, Das Gothische Runenalphabet 1854, и др.

днѣ. Разсчитывать на изгнаніе кириллицы латинкою можно съ такимъ же правомъ, какъ и па изгнаніе латинки кириллицею изъ словянскихъ странъ, въ которыхъ господствовала словянская письменность, но была вытѣснена латинкою благодаря политическимъ обстоятельствамъ и вѣроисповѣднымъ распрямъ.

Предоставивъ будущему рѣшать вопросы будущаго, обратимся къ прошедшему и посмотримъ, какъ и откуда выпли словянскіе алфавиты, особенно *глаголица*, которая въ послѣднее время, послѣ нѣкотораго перерыва, опять обратила на себя вниманіе ученаго міра, словянскаго и несловянскаго, и была предметомъ нѣсколькихъ интересныхъ трудовъ, касающихся и вообще вопроса о времени возникновенія письменности у словянъ.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о точномъ опредѣленіи времени возникновенія словянской азбуки и личности составителя ея, мы обратимся къ самымъ азбукамъ и рассмотримъ ихъ составъ и взаимныя отношенія, сходство и различіе, пользуясь снимками съ древнѣйшихъ памятниковъ словянскихъ и возможно близкихъ къ нимъ по времени греческихъ. Что кириллица представляетъ собою, заисключеніемъ чисто словянскихъ буквъ, вѣрную копию съ уставнаго греческаго письма IX в., въ этомъ никто не сомнѣвается и не можетъ сомнѣваться: оба письма такъ сходны, что на первый взглядъ представляются совершенно тождественнымъ письмомъ. Кромѣ того, порядокъ буквъ и значеніе ихъ какъ звуковое, такъ и цифровое не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта словянская азбука взята изъ современной греческой уставной письменности. Отъ греческаго алфавита того времени она отличается только тѣмъ, что къ греч. прибавлены новыя словянскія буквы, которыя однакоже по начертанію подведены подъ общій характеръ. Новыя буквы кириллицы вставлены въ срединѣ, но больше всего послѣ окончанія греческаго алфавита. Въ срединѣ вставлены Б, Ж, С (зѣло), за то пропущены: θ , ξ , ψ ,—такъ что въ концѣ концовъ по ω включительно вышло столько же, сколько было въ греческомъ, а въ цифровомъ алфавитѣ, который держится чисто греческаго порядка, новыя словянскія буквы игнорируются, а пропущенныя: θ , ξ , ψ , и кромѣ того копна, употреблявшаяся и въ греческомъ только въ нумераціи, стоятъ на своихъ греческихъ мѣстахъ съ гре-

ческимъ цифровымъ значеніемъ ¹⁾, только коппа замѣнена слов. Ч, которое очень походило и потому заняло мѣсто коппы того времени и въ значеніи цифры ¹⁾. Изъ новыхъ вставленныхъ словянскихъ буквъ вторая буква нашей азбуки **к** есть, очевидно, та же греческая *кита* того времени; только правая верхняя черта въ ней не доходитъ до соединенія съ нижней, какъ въ греческой тогдашней витѣ и словянской „вѣди“. Вита такимъ образомъ, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ, дала новый знакъ, который, не мѣшаетъ замѣнить, поставленъ впереди старого. — Точно такую же дифференціацію одного знака на два дала греческая зита, слов. З: изъ одной греч. *Z* въ слов. азбукѣ вышли двѣ буквы: ж и з, какъ будетъ показано ниже, когда мы будемъ разсматривать глаголическую азбуку. — Что касается до „зѣла“, то кирилловское зѣло по цифровому значенію, по мѣсту въ азбукѣ и наконецъ по формѣ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ греч. уставнаго знака для б, который въ греческомъ письмѣ VIII, IX и X в. пишется совершенно также, какъ слов. зѣло. (См. *Gardthausen*, Griech. Palaeographie, 265, 266). Очевидно, словянская азбука воспользовалась этимъ цифровымъ знакомъ, прежнею *F* (см. выше), для того, чтобы отличить два весьма близкихъ звука з; слѣд., собственно говоря, въ словянской азбукѣ вставлено только 2 знака: б и ж и оба поставлены впереди своихъ прототиповъ. Остальныя буквы словянскія: ц, ч, ш, щ, з, ы, ъ, ѣ, ю, я, л поставлены послѣ греческаго алфавита, равно какъ іотированныя и позднѣе заимствованныя для написанія греч. словъ чисто греческія буквы, употреблявшіяся въ словянской письменности только въ качествѣ цифровыхъ знаковъ. Если мы теперь обратимся къ глаголической азбукѣ, то изъ древнѣйшихъ образцовъ ея (см. у Срезневскаго, I. с.), сопоставленныхъ съ кириллицею, легко убѣдиться, что обѣ эти азбуки имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь: значеніе, названіе и порядокъ буквъ совершенно такіе же; цифровое значеніе отличается только тѣмъ, что въ глаголической цифровой алфавитъ вошли и новыя словянскія буквы, вставленныя въ средину алфавита, но не вошли греческія, не вошедшія въ словянскій алфавитъ; другими словами, глаголическая нумера-

¹⁾ См. Срезневскій, Древніе глагол. памятники, 27.

ція основана уже на выработанномъ и законченномъ славянскомъ алфавитѣ, между тѣмъ какъ въ кирилловской письменности остается нумерація по греческому алфавиту. Наконецъ и форма *нѣкоторыхъ* буквъ очень сходна, очевидно, эти буквы одного происхожденія съ такими же кирилловскими. Но за то другія буквы, если взять обыкновенную печатную глаголическую книгу и сравнить съ кирилловскою церковно-славянскою, такъ несходны, что повидимому нельзя найти между этими двумя азбуками никакого сходства. Эта разница такъ велика, что даже тѣ вышеприведенныя обстоятельства, которыя сами по себѣ имѣютъ громадное значеніе для доказательства одинаковости происхожденія двухъ алфавитовъ, т. е., одинаковыя названія буквъ, порядокъ и цифровое значеніе глаголическихъ буквъ съ кирилловскими (и греческими) не позволяли большинству ученыхъ искать источника глаголической азбуки въ греческой, а видѣть въ ней отрасль какихъ-нибудь другихъ алфавитовъ, которыхъ указывалось нѣсколько.

Не входя въ разборъ и обсужденіе этихъ догадокъ, иногда очень рискованныхъ и совершенно невѣроятныхъ, посмотримъ лучше, имѣя въ виду вкратцѣ пройденную нами исторію алфавитовъ, отъ кого славяне могли заимствовать азбуку, и какъ у нихъ могъ образоваться алфавитъ.

Изъ исторіи алфавитовъ и другихъ графическихкихъ системъ, сдѣлавшихся до сихъ поръ извѣстными, можно вывести два главныя и существенно важныя положенія: а) алфавиты и другія графическія системы не выдумываются, не изобрѣтаются, какъ обыкновенно говорятъ преданія, а постепенно развиваются одни изъ другихъ, восходя въ концѣ концовъ къ идеографическимъ изображеніямъ; б) алфавиты заимствуются у культурныхъ народовъ постоянно или временно сосѣдними менѣе развитыми народами или заносятся распространителями культуры: купцами, воинами, колонистами или миссіонерами, къ народамъ, живущимъ не въ сосѣдствѣ съ тѣми народами, изъ котораго выходятъ купцы, миссіонеры и т. п. распространители культуры. Какъ первое, такъ и второе положеніе какъ нельзя болѣе подтверждаются исторіею кириллицы: кириллица не выдумана, а взята у народа, съ которымъ славяне находились въ сосѣдствѣ и близкихъ, постоянныхъ сношеніяхъ, и введеніе ея среди славянскихъ народовъ приписывается миссіонерамъ. Въ виду всего этого всего

естественнѣе и проще было бы искать источника и глаголицы тамъ же, откуда взята кириллица, или обратиться къ письменности другого народа, съ которымъ нѣкоторыя словянскія племена находились въ сосѣдствѣ, т. е., письменности римской, латинской. Эта простая и самая естественная мысль понятна и приходила прежде всего въ голову всѣмъ, занимавшимся вопросомъ о таинственномъ происхожденіи глаголической азбуки. Эта же мысль лежитъ и въ основѣ преданія объ изобрѣтеніи глаголицы блаж. Иеронимомъ. Но причудливость, оригинальность и полнѣйшее несходство, за нѣкоторыми исключеніями, глаголическихъ буквъ съ греческими и латинскими и нѣкоторое сходство какъ общаго характера, такъ и начертанія отдѣльныхъ буквъ съ разными другими алфавитами, заставляло оставить греческій и латинскій источникъ и пускаться въ рискованные, хотя и остроумные поиски и путешествія по разнымъ странамъ и народамъ, часто весьма отдаленнымъ и неизвѣстнымъ съ словянами нивакихъ связей и сношеній. Результаты этихъ поисковъ, нерѣдко дѣлающіе честь эрудиціи и усердію авторовъ, не были однакожь на столько плодотворны и удачны, чтобы заставить отказаться отъ простой и прямой дороги, ведущей въ Римъ или Царградъ. Потому мысль о греческомъ или латинскомъ происхожденіи глаголической азбуки постоянно является у словянскихъ и несловянскихъ ученыхъ, занимавшихся глаголицею. Перечень мнѣній и сочиненій о происхожденіи глаголицы, какъ и кириллицы, сдѣланъ покойнымъ проф. Бодинскимъ въ его богатой матеріалами книгѣ: О времени происхожденія словянскихъ письменъ, Москва 1855; въ III гл., посвященной исторіи вопроса, стр. 170—337, покойный профессоръ дѣлаетъ обзоръ того, кто, когда и какъ рѣшалъ вопросъ: кѣмъ, гдѣ и когда составлена кирилловская азбука, причемъ естественно излагаетъ и мнѣніе о глаголицѣ,—такъ какъ всѣ, занимавшіеся изученіемъ исторіи кириллицы, необходимо должны были касаться и глаголицы, въ виду тѣсной и неразрывной связи этихъ двухъ азбукъ, которой нельзя не видѣть, не смотря на все ихъ внѣшнее, видимое несходство.—Изъ этого обзора видно, что *Добнеръ* еще 1785 г. высказалъ мнѣніе, которое потомъ все больше и больше находитъ приверженцевъ, что св. Кирилломъ изобрѣтена собственно глаголица, которая греческими словянами и особенно греческимъ духовенствомъ для удобства письма передѣлана

въ греч. азбуку, дополненную глаголическими словянскими буквами. Развивая первую часть этого мнѣнія, крайнецъ *Лингартъ* высказалъ догадку, что глаголица изобрѣтена въ V или VI вѣкѣ на основѣ греческой (*что доказывается порядкомъ самыхъ буквъ*); эту самую азбуку Константинъ Философъ преобразовалъ по греч. образецъ, взявши изъ глаголицы названія и недостающія въ греческой азбукѣ буквы (ц, ч, ш, щ и ъ). Другіе напротивъ старались доказать, что глаголица вышла изъ кириллицы (*Бодянский*, 269 слѣд.) и во всякомъ случаѣ не древнѣе ея. Къ сожалѣнію ни тѣ, которые защищали древность глаголицы предъ кириллицею, не показали, какъ и откуда могло явиться такое странное письмо, ни тѣ, которые защищали первенство кириллицы, не объяснили, кому и почему пришло въ голову, имѣя кириллицу, выдумывать или составлять изъ разныхъ алфавитовъ такую неудобную для письма, такую вычурную азбуку, такой *monstrum*, какъ называетъ ее Шлейхеръ, который (въ предисловіи къ своей церковно-слов. грамматикѣ) также считаетъ глаголицу за намѣренное, въ высшей степени безобразное измѣненіе кириллицы. Никто однакожъ не отрицалъ тѣсной связи этихъ двухъ азбукъ и всѣ признавали, что одна у другой много заимствовала. Но странная, чудовищная, безобразная форма буквъ, не похожая ни на греческую, ни на латинскую всѣхъ смущала. Уже одна эта неудобная, требующая много времени, некрасивая форма и кудрявые завитки, которыми украшена почти каждая буква, должны заставить сомнѣваться въ томъ, чтобы кому-нибудь, нелишнему разума и здраваго смысла, могло прийти въ голову передѣлывать простой, четкій, красивый и ясный кирилловскій алфавитъ въ безобразную глаголицу для обыкновеннаго, а не тайнаго, не шифрованнаго письма, да не только обыкновеннаго, а священнаго письма, для написанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Выдумывать новую, при существованіи кириллицы, также никому не могло прийти въ голову по тѣмъ же соображеніямъ. Слѣд., чисто теоретическія, но тѣмъ не менѣе важныя соображенія заставляютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы глаголица могла явиться и сдѣлаться употребительною послѣ кириллицы и вмѣстѣ съ нею. Скорѣе наоборотъ, безобразная и неудобописуемая глаголица могла быть замѣнена или вытѣснена удобною и четкою кириллицею. Но откуда же и какъ явилась эта безобразная азбука,

если она явилась и раньше кириллицы? Если она греческаго или латинскаго происхожденія, что можно ожидать на основаніи общихъ законовъ распространенія и заимствованія алфавитовъ, то почему сразу не взята азбука, подобная кириллицѣ? Быть можетъ это — видоизмѣненіе, дополненіе и приспособленіе къ словянскимъ звукамъ какого-нибудь прежняго, стариннаго, извѣстнымъ сѣвернымъ народамъ письма, въ родѣ руническаго? Но порядокъ, значеніе цифровое и несомнѣнное сходство нѣкоторыхъ буквъ съ греческими заставляютъ прежде всего искать источника этой азбуки въ греческой письменности. Изъ латинской азбуки, какъ нѣкоторые утверждали согласно съ преданіями, должна была явиться азбука значительно отличающаяся въ порядкѣ буквъ отъ тѣхъ азбукъ глаголическихъ, которыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ древнихъ рукописяхъ. Остается, слѣд., единственный путь объяснить глаголическое письмо, — это разсмотрѣніе и ближайшее обслѣдованіе греческой письменности. Эта мысль, какъ мы видѣли, приходила въ голову ученымъ давно, но не была обставлена такими доказательствами, которыя бы позволили уяснить происхожденіе формы глаголическихъ буквъ. Эта загадка, сколько намъ извѣстно, стала разъясняться только въ послѣднее время.

Въ „*Griechische Palaeographie*“ *Gardthausen*'а, вышедшей въ Лейпцигѣ въ 1879 году, мы находимъ первое, сколько намъ извѣстно, по времени указаніе на то, гдѣ слѣдуетъ искать разгадки загадочной глаголической азбуки. Говоря о происхожденіи алфавитовъ, Гардтгаузенъ посвящаетъ нѣсколько строкъ и словянскимъ и, сказавши о времени возникновенія кириллицы, относительно глаголицы замѣчаетъ: „загадочное глаголическое письмо нельзя производить отъ кириллицы, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны прибѣгнуть для объясненія ея къ словянскимъ рунамъ. Профессоръ Лескинъ считаетъ глаголицу, какъ мнѣ извѣстно изъ его устнаго сообщенія, за видоизмѣненіе (*Stilisirung*) греческихъ минускуловъ, формы которыхъ опять передѣланы въ унциалы. Хотя эта, на первый взглядъ поразительная гипотеза еще не разрѣшаетъ всѣхъ затрудненій, тѣмъ не менѣе кажется мнѣ самую вѣроятною изъ всѣхъ“ (s. 109).

Это самое мнѣніе нѣсколько подробнѣе, хотя тоже очень коротко, развивается въ небольшой замѣткѣ, занимающей всего 2 стр., но снабженной двумя литографическими таб-

лицами, Тэйлоромъ, авторомъ книги объ „Алфавитѣ“, въ V т. „Archiv für Slavische Philologie, изд. И. В. Ягичемъ; но Тэйлоръ, повторяющій высказанныя въ „Архивѣ“ соображенія и въ своей книгѣ, пришелъ къ этому мнѣнію, какъ можно заключить изъ его словъ, совершенно самостоятельно, хотя книга Гардтгаузена въ 81 году, когда онъ уже занимался составленіемъ книги объ алфавитѣ, могла быть ему извѣстна. Какъ бы то ни было, Тэйлоръ въ статейкѣ, помѣщенной въ „Архивѣ“, прямо заявляетъ, что онъ въ виду того, что вопросъ о происхожденіи глаголической азбуки нерѣшенъ, считаетъ возможнымъ высказать предположеніе, которое ему до того кажется очевиднымъ, что онъ удивляется, какъ оно не пришло никому въ голову раньше его. Это предположеніе состоитъ въ слѣдующемъ: число, порядокъ и названіе буквъ въ глаголицѣ и кириллицѣ одинаковы; слѣд., обѣ азбуки произошли изъ одного источника и приблизительно въ одно время. Но глаголическій алфавитъ старше, какъ это видно изъ того, что ш и щ заимствованы кириллицею изъ глаголицы. А такъ какъ кириллица произошла изъ греческихъ унциаловъ IX в., то и глаголицу нужно производить отъ греческаго же письма, но не *унциального*, а *курсивнаго* и притомъ болѣе ранняго. Если сравнить *древнія* глаголическія формы съ греческимъ курсивомъ VI—VII столѣтія, представителемъ котораго можетъ служить письмо Восточно-Римскаго Императора Константина V къ Пипину, то происхожденіе глаголицы изъ греческаго алфавита будетъ ясно.—Къ этой статейкѣ приложены двѣ таблицы: на одной онъ сопоставляетъ простыя буквы глаголицы и кириллицы съ соотвѣствующими имъ греческими курсивными и унциальными, а на второй сопоставлены буквы словянскія, не имѣющіяся въ греческомъ алфавитѣ, съ греческими лигатурами и простыми буквами, изъ которыхъ, по мнѣнію Тэйлора, вышли буквы чисто словянскія. Въ этихъ таблицахъ собственно и заключается суть статьи и результатъ соображеній Тэйлора ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ сопоставленіи глаголицы съ греч. курсивомъ, а не съ унциаломъ есть значительное сходство съ теоріею de Rougé: какъ de Rougé сопоставляетъ финик. алфавитъ не съ іероглифами, съ которыми финикійскія буквы не сходны, а съ іератическимъ *курсивнымъ* письмомъ, такъ Лескинъ и Тэйлоръ сопоставляютъ глаголицу не съ греч. унциаломъ,

Въ одинъ годъ съ книгою Тэйлора: „Alphabet“, вышелъ трудъ почтеннаго изслѣдователя памятниковъ древнесловянской письменности о. архимандрита Амфилохія: Четверосвангеліе Галичское 1144 года, въ 3 томахъ. Въ послѣднемъ томѣ о. Амфилохій разсуждаетъ между прочимъ о глаголицѣ и, не зная попытокъ Тэйлора, приходитъ почти къ такому же заключенію, по крайней мѣрѣ относительно источника глаголицы: 18 буквъ глаголическихъ онъ нашелъ почти буквально сходными съ греческими буквами IX в. и скорописнаго и уставнаго письма; нѣкоторая разница заключается только въ постановкѣ, незначительныхъ прибавленійхъ и закругленійхъ; пять буквъ, по мнѣнію о. Амфилохія, въ глаголицѣ взяты изъ еврейскаго алфавита, а нѣкоторыя изъ кириллицы. Изобрѣтеніе этой азбуки о. Амфилохій приписываетъ тѣмъ же словянскимъ первоучителямъ, которые составили такъ называемую кириллицу, и полагаетъ, что эта азбука составлена ими послѣ кириллицы, чтобы католики не преслѣдовали словянъ, исповѣдующихъ православную греческую вѣру, даже и за буквы кирилловскія. Акад. Ягичъ, разбирая это мнѣніе о. Амфилохія, припоминаетъ между прочимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на его запросъ относительно глаголицы, проф. Дильманнъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, глаголица имѣетъ самое близкое отношеніе къ греческому минускульному письму¹⁾.

Въ томъ же 83 году вышло сочиненіе проф. *Leop. Geitler'a: Die albanesischen und slavischen Schriften*, котораго къ сожалѣнію намъ не удалось видѣть и которое, судя по разбору акад. Ягича, представляетъ замѣчательный трудъ по собраннымъ въ немъ матеріаламъ. Гейтлеръ, на сколько это видно изъ обширнаго разбора акад. Ягича, стоитъ на

на которъй она не походятъ, а съ греч. курсивомъ: какъ de Rouge беретъ древнѣйшія финикійскія формы буквъ, и сопоставляетъ ихъ съ ближайшимъ по времени заимствованію іерогл. письмомъ, такъ и Тэйлоръ беретъ древнѣйшія (извѣстныя ему) формы глаголицы и сопоставляетъ съ современнымъ греч. курсивомъ.

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русскаго языка в словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXIII, 1884, № 2, стр. 103 и слѣд. Помѣщенный здѣсь разборъ книги Гейтлера представляетъ съ нѣкоторыми измѣненіями переводъ разбора, сдѣланнаго проф. Ягичемъ въ VII т. его «Archiv'a».

чисто палеографической точкѣ зрѣнія и въ силу этого полагаютъ, что въ славянскихъ алфавитахъ для каждаго малѣйшаго элемента, для каждой связи и украшенія нужно искать повода въ ближайшемъ источникѣ и что ничего не изобрѣталось самостоятельно, потому изобрѣтателямъ алфавита ничего нельзя приписывать, кромѣ каллиграфической разработки заимствованій. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Гейтлеръ считаетъ необходимымъ признать, что извѣстнымъ намъ редакціямъ алфавита предшествовали болѣе древнія, что первые начатки обоихъ алфавитовъ существовали независимо другъ отъ друга до 2 половины IX в. Столкновение и происшедшее вслѣдствіе обоюднаго заимствования знаковъ сближеніе обоихъ алфавитовъ, которыя я отношу въ Македоніи ко времени Климента (886—916), говоритъ Гейтлеръ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія возникновенія той орфографіи, которою написаны древнѣйшіе славянскіе памятники. До этого времени существовала съ одной стороны неполная и несовершенная кириллица, собственно говоря, греческое унциальное письмо, которыми воспользовался св. Константинъ-Кириллъ при переводѣ св. писанія на славянскій языкъ; а съ другой тоже неполный албано-глаголическій алфавитъ, т. е., собственно албанскій алфавитъ, заимствованный славянами, въ основѣ котораго лежитъ болѣе древній греко-римско-албанскій курсивъ, придуманный Гейтлеромъ. При столкновеніи и сближеніи алфавитовъ оба они взаимно подѣлились и позаимствовали другъ у друга: кириллица дала глаголицѣ ш, ч, ц, а и ж, а глаголица сообщила кириллицѣ: ж, ю, з, љ, љ и љ, которыя въ той и другой азбукѣ развились изъ знаковъ тѣхъ алфавитовъ, изъ которыхъ они вышли. Такъ между прочимъ чисто кирилловская буква ш вышла изъ ѱ, а ц и ч изъ Χ. Акад. Ягичъ совершенно справедливо порицаетъ такую уже вовсе непалеографическую манеру производить ш, ч, ц изъ греческихъ буквъ, не имѣющихъ ничего общаго по значенію съ этими славянскими звуками. Не входя въ разсмотрѣніе другихъ палеографическихъ производствъ Гейтлера и предоставляя читателю, желающему ознакомиться съ ними, обратиться къ самой книгѣ Гейтлера или по крайней мѣрѣ къ разбору ея, сдѣланному проф. Ягичемъ въ указанномъ выше академич. сборникѣ, замѣчу только, что Гейтлеръ сходится съ Лескинымъ, Тэйлоромъ и о. Амфилохіемъ въ томъ, что источникъ глаголицы ищетъ не въ ка-

кихъ и нибудь отдаленныхъ алфавитахъ, какъ армянскій, грузинскій, эѳіонскій или сассанидскій-парсійскій, а въ *курсивномъ алфавитѣ* народа, сосѣдняго съ словянами. Достоинно вниманія также весьма вѣроятное соображеніе, что у словянъ было письмо греческое или римское до составленія азбуки, и что азбука полная и законченная составила не вдругъ, какъ не вдругъ вырабатывались всѣ другіе алфавиты, произшедшіе изъ финикійскаго.

Разбирая и опровергая въ подробностяхъ и частностяхъ дѣлаемыя Гейтлеромъ попытки произвести глаголическія буквы *отъ албанскихъ*, акад. Ягичъ самъ высказывается въ пользу мнѣнія Лескина - Тэйлора - Амфилохія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива и довольно обстоятельно излагаетъ свой взглядъ на происхожденіе каждой буквы, а въ концѣ прилагаетъ двѣ прекрасно - сдѣланныя таблицы греческаго курсивнаго и минускульнаго алфавита VII—X в. и древнѣйшей глаголической кирилловской азбуки. Какъ изъ текста, такъ и изъ таблицъ видно, что почтенный академикъ, соглашаясь съ Тэйлоромъ въ общей мысли и многихъ частностяхъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ или держится другаго мнѣнія, или не считаетъ въ настоящее время возможнымъ рѣшить ихъ такъ или иначе, за недостаткомъ данныхъ. Вполнѣ присоединяясь къ теоріи Лескина - Тэйлора - Амфилохія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива, какъ по историко-географическимъ, такъ и по палеографическимъ соображеніямъ, и считая греческій курсивъ единственнымъ источникомъ глаголицы, я не нахожу однакожь возможнымъ согласиться ни съ Тэйлоромъ, ни съ Ягичемъ относительно нѣкоторыхъ довольно важныхъ частностей и деталей разсматриваемаго вопроса.

Тэйлоръ считаетъ лучшимъ представителемъ греч. курсива письмо Константина V къ Пипину, а г. Ягичъ беретъ образцы курсива изъ разныхъ книгъ, большею частію литургическихъ и книгъ свящ. писанія. Намъ кажется, что источникъ глаголицы нужно искать не у каллиграфовъ императорской константинопольской канцеляріи и каллиграфовъ, занимавшихся перепискою книгъ, особенно богослужебныхъ и священныхъ, для которыхъ употреблялся особый, болѣе совершенный, красивый и четкій курсивъ и минускуль, если не уставъ, а въ простомъ обыкновенномъ обыденномъ письмѣ, слѣдовъ котораго нужно искать въ немпогихъ дошедшихъ

до насъ дѣловыхъ бумагахъ, вышедшихъ изъ провинціаль-ныхъ канцеларій или, если возможно, въ остаткахъ частной переписки и домашняго письмоводства. Дѣло въ томъ, что славяне, жившіе не только рядомъ, но и среди грековъ и римлянъ, и уже въ началѣ VI в. въ лицѣ Юстина и Юстиніана (Управды) дававшіе римской имперіи императоровъ, начали безъ сомнѣнія писать алфавитомъ своихъ сосѣдей, (какъ пишутъ и теперь нѣкоторые славяне), гораздо раньше появленія у нихъ обширной церковной письменности, въ которой явилась надобность по принятіи христіанства цѣлыми племенами и народами. Множество отдѣльныхъ личностей, даже цѣлыхъ селеній и городовъ, лежавшихъ въ мѣстахъ, близкихъ къ центрамъ греч. и римской цивилизаціи, принимали христіанство, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо раньше принятія его цѣлыми государствами, независимыми отъ римской имперіи, восточной и западной. Быть можетъ еще раньше, нежели усвоили христіанское ученіе, усвоили отдѣльныя личности грамотность, умѣнье писать обыденными, слѣд., *курсивными* греческими или латинскими буквами по гречески или полатини или пославянски для собственной надобности, для ежедневныхъ, обиходныхъ потребностей, коммерческихъ и наконецъ образовательныхъ цѣлей. Примѣръ патріарха Никиты въ VIII в. доказываетъ, что славяне достигали такой высокой степени образованности, что могли избираться въ патріархи ¹⁾. Славянъ просто грамотныхъ, т. е., умѣвшихъ читать и писать погречески, было безъ сомнѣнія многое множество, а эти славяне безъ всякаго сомнѣнія пытались писать и писали пославянски обыденнымъ, болѣе легкимъ и скорымъ курсивомъ. Точно также не мало было, безъ сомнѣнія, грековъ, знавшихъ славянскій языкъ, благодаря или постояннымъ сношеніямъ съ сосѣдними славянами или торговымъ и ремесленнымъ предпріятіямъ среди массы славян-

---

¹⁾ См. Theoph. Chronogr. rec. de Boor, I, p. 440, 42. *χειροτονεῖται Νικήτας ὁ ἀπο σκλάβων εὐνοῦχος ἀθεσμῶς πατριάρχης Κωνσταντινοπόλ...* Анекдотъ Мих. Гликѣ о неправильномъ произношеніи Никитой слова *Ματθαῖον* едвали заслуживаетъ вѣроятія, точно также какъ и выводъ, сдѣланный изъ этого анекдота Finlay'емъ въ его *History of Greece*, Oxf. 1877, vol II, p. 62, примѣч.—Ср. *Κ. Παπαρρηγοπούλου Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους*, Τομ. III, ἐν Ἀθήναις, 1872, σελ 508.

скаго населенія въ странахъ, уже окончательно и плотно населенныхъ славянами. Эти греки также могли научить окружающихъ ихъ славянъ писать пословянски греческими буквами, какими они сами писали въ своихъ бумагахъ словянскія собственныя имена, т. е. опять таки скорописью. Пакопецъ, капцелярскій и книжный мѣръ, благодаря постоянному и частому появленію въ сферѣ ихъ дѣятельности славянъ, должны были изображать ихъ имена и названія ихъ городовъ и селеній своимъ алфавитомъ, если не точно, то по крайней мѣрѣ приблизительно, что мы и находимъ у греческихъ и латинскихъ писателей отъ VI вѣка. Такимъ образомъ разными и многочисленными путями и быть можетъ въ разныхъ мѣстахъ явились попытки писать по словянски греческими буквами. Первые попытки безъ всякаго сомнѣнія были очень несовершенны и воспроизводили словянскіе звуки, не имѣвшіеся въ греческомъ, нѣсколькими способами; но съ развитіемъ умѣнья писать греческими буквами у славянъ могли мало по малу установиться и получить преобладаніе наиболѣе удобные и подходящіе къ словянскимъ звукамъ способы выражать словянскіе звуки греческими письменами. Эти установшіеся и получившіе широкое распространеніе способы изображенія словянскихъ звуковъ греческими буквами и должны были естественно послужить основаніемъ для тѣхъ словянскихъ буквъ, которыхъ недоставало въ греческомъ и которыя при частомъ употребленіи постепенно развились или изъ отдѣльныхъ греческихъ буквъ или изъ соединенія двухъ буквъ въ одинъ сложный знакъ (вязь = лигатура). До сихъ поръ, къ сожалѣнію, не найдено образцовъ такой, безъ сомнѣнія существовавшей словянской письменности; но частію позднѣйшіе, существующіе и до сихъ поръ способы изображенія словянскихъ словъ греческими буквами, частію тѣ словянскія имена, большею частію собственныя, которыя встрѣчаются у средневѣковыхъ греческихъ писателей и въ греческихъ документахъ, позволяютъ всетаки довольно вѣрно судить, какъ выражались греческими буквами словянскіе звуки, и гдѣ, слѣд., мы можемъ и должны искать источника чисто словянскихъ буквъ и гдѣ не должны, не смотря на *видимое сходство фигуръ буквъ*. Весьма возможно и вѣроятно, что современемъ будутъ отысканы памятники древнѣйшей, такъ сказать, греко-славянской письменности, будутъ ли то остатки книгъ, документовъ или какія-нибудь

написи на болѣе прочномъ и твердомъ матеріалѣ, какъ камень и металлы. Если въ нашъ вѣкъ найдено не мало памятниковъ древней чисто словянской письменности, то можно надѣяться, что при ближайшемъ обследованіи въ эпиграфическомъ и палеографическомъ отношеніи мѣсть возникновенія словянской письменности будутъ найдены эпиграфическіе и палеографическіе памятники, которые позволятъ прослѣдить исторію буквъ словянской азбуки до всѣхъ ея прототиповъ.

Въ виду вышесказаннаго, при отысканіи прототиповъ глаголическихъ буквъ, по нашему мнѣнію, нужно имѣть въ виду не только книжную письменность, но и еще больше обыкновенную, канцелярскую и домашнюю, а равно и способы написанія словянскихъ звуковъ у тѣхъ греческихъ писателей, которые писали во времена возникновенія словянской письменности изъ греческой. Руководствуясь этими соображеніями, мы и приступимъ къ разсмотрѣнію буквъ глаголической азбуки, постоянно сравнивая ее съ кирилловскою, такъ какъ при той тѣсной связи, которая между ними существуетъ, нельзя не имѣть въ виду одной, когда говорится о другой.

Глаголическая буква „азъ“ представляетъ крестъ, иногда съ опущенными концами поперечной линіи, какъ въ т, и разнится отъ кирилловскаго т только тѣмъ, что вертикальная толстая линія пересѣкается на срединѣ поперечною, а не стоитъ подъ нею. Акад. Ягичъ, совершенно справедливо отрицаетъ происхожденіе этого знака изъ албано-римскаго курсивнаго *a* и, не находя возможнымъ вмѣстѣ съ пр. Вс. Миллеромъ видѣть въ глаголическомъ *a* крестикъ, который часто ставился въ началѣ рукописей, предпочитаетъ ждать, не найдется ли въ греческой письменности изъ времени, близкаго къ времени слав. первоучителей, буквы *a* такой формы, которая подходила бы къ глаголической. Тэйлоръ въ своей таблицѣ приводитъ такую форму альфы, изъ которой не могло выйти и не вышло предполагаемымъ имъ способомъ крестообразное *a*. А между тѣмъ образцы крестообразнаго *a* есть въ памятникахъ греческихъ и притомъ памятникахъ очень древнихъ, болѣе древнихъ, чѣмъ быть можетъ, желательна, и при томъ памятникахъ не книжныхъ, а остаткахъ канцелярскаго письма и частной переписки. Правда оба эти памятника — папирусы и происхожденія египетскаго, но то, что было въ египетск. греч. канцеляріи, могло быть и въ евро-

пейскихъ канцеляріяхъ и почеркахъ частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ же памятникахъ видно и то, какъ легко и естественно могъ выйти крестъ изъ скорописнаго написанія α . Снимки съ этихъ памятникахъ помѣщены въ *Palaeographie Universelle Silvestr'a* и относятся одинъ ко времени императора Маврікія Тиверія (582—602), а другой къ II или III в. по Р. Хр. Изъ послѣдняго и Высокопреосвящ. Савва взялъ образцы α для таблицы греческихъ алфавитовъ въ своей прекрасной книгѣ: *Палеографич. снимки, Москва, 1863.*—Формы того α , изъ котораго легко могло образоваться крестообразное написаніе этой буквы, приведены у Гардтгаузена на 3 табл. подъ 233 г. по Р. Хр. и на табл. 4 подъ 600, 680; на той же табл. подъ общимъ обозначеніемъ VIII в.—Wattenbach въ *Anleitung zur Griech Palaeographie*, въ литогр. прилож., s. 2, замѣчаетъ между прочимъ: „Какъ въ глаголицѣ изъ α позднѣе дѣлается +, такъ и въ греч. уже во 2-мъ вѣкѣ находится уже знакъ + вмѣсто α “.—Быть можетъ изъ этой (крестообразной) формы произошли такія сокращенія, какъ, напр. $\vartheta \div = \vartheta\alpha$, $\tau \div = \tau\alpha$ и т. п. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что крестообразная форма α существовала въ греческой скорописи издавна и тѣ формы ея, изъ которыхъ могъ легко выйти крестъ, являются и въ тѣ вѣка, когда по всей вѣроятности словяне начали въ довольно значительномъ количествѣ писать греческою скорописью на своемъ языкѣ. Въ документахъ канцелярскихъ и частной перепискѣ такія простыя формы, какъ крестъ, или близкая къ нему фигура, навѣрно встрѣчались чаще, чѣмъ въ тщательно написанныхъ книгахъ, особенно VI, VII и VIII вѣка.—См. таблицы.

Глаголическую букву „буки“ Тэйлоръ сопоставляетъ совершенно справедливо съ греч. скорописной β . Акад. Ягичъ, напротивъ, въ этомъ случаѣ соглашается съ Гейтлеромъ, который, указавъ какъ на источникъ глаголической „буки“ на греч. μ . По мнѣнію г. Ягича впрочемъ глаголическая „буки“ не есть простая передача греческаго μ , а сокращенная передача курсивныхъ греческихъ $\mu\beta$. Въ доказательство сходства этой комбинаціи съ глаголической „буки“, акад. Ягичъ приводитъ на 1 таблицѣ образцы того, какъ пишутся въ греч. минускульномъ курсивѣ комбинаціи $\mu\beta$ и $\mu\pi$, и ссылается на теперешнее произношеніе $\mu\pi$, какъ б. Съ этимъ предположеніемъ почтеннаго академика согласиться трудно.

Еслибы глаголическая „буки“ была результатомъ комбинаціи двухъ буквѣ, представляла бы собою лигатуру, вязь, то и въ кириллицѣ было бы что-нибудь подобное, между тѣмъ какъ въ кириллицѣ мы имѣемъ несомнѣнно туже унциальную „виту“, какъ и въ буквѣ „вѣди“, только съ незначительнымъ измѣненіемъ. Какъ результатъ дифференціаціи одного и тогоже знака, „буки“ стоитъ передъ „вѣди“, и въ глаголицѣ и въ кириллицѣ, а еслибы она была комбинаціею, лигатурою, то навѣрно стояла бы позади греческаго алфавита, какъ и другія буквы, вышедшія изъ лигатуръ. Но даже, еслибы „буки“ стояло и послѣ греческаго алфавита, то возможность происхожденія этой буквы изъ $\mu\beta$ или $\mu\tau$ слѣдуетъ доказывать, если возможно, не новѣйшею передачею звука к греческимъ буквами, а способомъ передачи этого звука въ предполагаемыя времена образованія словянской письменности изъ греческой. Между тѣмъ мы знаемъ, что греки VI—X в. передавали словянское б и в западно-европейскихъ народовъ посредствомъ β , какъ видно изъ греческой передачи словянскихъ и западно-европейскихъ собств. именъ, заключающихъ въ себѣ звукъ б . Слѣд., въ этой же буквѣ мы должны искать и прототипа словянской соответствующей буквы. Въ кириллицѣ мы дѣйствительно и находимъ „буки“, передѣланное изъ „вита“; здѣсь же мы должны искать и прототипъ глаголической; тѣмъ болѣе, что найти ее въ β гораздо легче и проще, чѣмъ въ μ , $\mu\beta$, $\mu\tau$; греч. β очень легко могла преобразиться въ глаголическую „буки“, если мы станемъ писать эту греческую букву въ два приема: сперва дѣлать переднюю длинную черту съ заворотомъ направо вниз, какъ писались и другія буквы съ чертами подъ строкой, а потомъ боковые полукруги дѣлать не сверху внизъ, а снизу вверхъ, не соединяя верхняго полукруга съ верхнимъ концомъ лѣвой черты. Образцы, нѣсколько похожіе на тѣ переходныя ступени, которыя мы предполагаемъ, даны у Тэйлора на первой таблицѣ; слѣдуетъ только соединить боковые полукруги не съ нижнею горизонтальною чертою, а съ серединою вертикальной и написать ихъ нѣсколько бокомъ.

Напротивъ, нельзя не согласиться съ акад. Ягичемъ относительно происхожденія глаголической буквы „вѣди“. Какъ мѣсто, занимаемое этой буквою въ глаголицѣ и кириллицѣ, такъ и форма ее только позволяютъ, но и заставляютъ ви-

дѣтъ прототипъ глаголической буквы „вѣди“, въ греческой β , писавшейся подобно нашему курсивному *и*. Если бы эта буква произошла изъ греческаго ν , какъ предполагаетъ Тэйлоръ, то она, по всей вѣроятности, занимала бы другое мѣсто. Кромѣ того, какъ въ азбукѣ черноризца Храбра, такъ и въ азбучномъ стихотвореніи епископа Константина греч. ν занимаетъ свое обычное мѣсто, которое оно занимало и въ греч. алфавитѣ, и называется греческимъ анонимомъ, изданнымъ Бандуричемъ въ коментаріи къ Константину Багрянородному и перепечатанному въ Боннскомъ изданіи и въ книгѣ Бодянскаго (стр. 14), $\eta\chi$, а въ *Abesenagium Vulgaricum* называется *his* и пишется отлично отъ вѣди, такъ что прототипомъ его можно считать не курсивно-минускульную форму, а греч. маюскульный курсивъ или близкія къ нему формы минускульнаго курсива (см. у Гардтгаузена, *Tafel* 4 и 5. Относительно состава древне-славянскихъ азбукъ см. Срезневскаго, Древніе глаголическіе памятники, стр. 16—32 и его снимки, табл. I, гдѣ помѣщенъ снимокъ съ *Abesenagium Vulgaricum*).

Что касается до глаголическихъ: глаголь и добро, то древнѣйшія извѣстныя намъ формы ихъ до такой степени походятъ на греческія минускульныя буквы γ и δ , что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ греческомъ происхожденіи этихъ буквъ. Мало того, очевидное происхожденіе глаголическихъ буквъ: глаголь и добро, на ряду съ такими же кирилловскими, какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что глаголица есть такое же видоизмѣненіе на словянскій ладъ греческаго курсива, греческой скорописи, какъ кириллица представляетъ собою приспособленіе греческихъ книжныхъ, литургическихъ унциаловъ къ словянской азбукѣ.

Довольно трудно объяснить глаголическую форму буквы „естъ“. Хотя она также несомнѣнно вышла, какъ и кирилловская, изъ греч. ϵ , но она отъ обѣихъ отличается тѣмъ, что пишется на оборотъ, какъ русское э. Академикъ Ягичъ въ своихъ таблицахъ приводитъ нѣсколько формъ ϵ , очень напоминающихъ написаніе глаголическаго „естъ“; неизвѣстно только почему въ глаголической азбукѣ утвердилась такая манера написанія ϵ . Можно только предполагать, что это произошло благодаря тому, что обыкновенная, необоротная форма ϵ была похожа въ глаголической азбукѣ на какую-нибудь другую букву и необходимо было въ отличіе отъ этой буквы измѣнить ея начертаніе.

Еще труднѣе объяснить происхожденіе „живете“. Какъ въ глаголицѣ, такъ и кириллицѣ формы этой буквы подходятъ къ общему характеру письма и благодаря этому на первый взглядъ значительно отличаются, хотя въ сущности несомнѣнно вышли изъ одной и той же греческой буквы или одна, сообразно съ характеромъ всей азбуки, сдѣлана изъ другой. Но какой же прототипъ этой чисто словянской буквы, какъ и „буки“, а не греческой? На этотъ интересный вопросъ Тэйлоръ и акад. Ягичъ отвѣчаютъ разнo. Тэйлоръ полагаетъ, что въ ж мы имѣемъ вязъ (лигатуру) греч. τ и σ , причемъ глаголическая буква вышла изъ τ съ σ наверху, а кириллица изъ σ , которое положено на свои рожки и въ которое вписано τ (обѣ унциальныя). Акад. Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что комбинація Тэйлора не даетъ звука, выражаемаго ж; потому комбинація Тэйлора ему не нравится. Самъ академикъ Ягичъ не видитъ пока другаго, лучшаго способа объяснить эту букву, какъ предположить, что она вышла изъ лигатуры двухъ греч. буквъ: $\theta\theta$ $\vartheta\vartheta$ или $\vartheta\epsilon$, причемъ относительно послѣдней пары замѣчаетъ, что сочетаніе $\vartheta\epsilon$, представленное на таблицѣ, очень близко напоминаетъ глаголическое ж. Г. Ягичъ такимъ образомъ самъ допускаетъ то, что онъ нѣсколькими строками выше справедливо считалъ невозможнымъ. Дѣло въ томъ, что, опровергая албано-римское происхожденіе ж, г. Ягичъ говоритъ: „Если бы можно было допустить, что въ глаголическомъ алфавитѣ являются также элементы римскіе, то было бы естественно глаголич. ж сопоставлять съ лат. х; совпаденіе было бы полное, съ прибавкою конечно требуемыхъ стилемъ круглостей. Но въ древнѣйшихъ лат. грамотахъ я нахожу, что ж передается чрезъ z, i, s, а не x; поэтому я поневолѣ отказываюсь отъ этой догадки (хотя въ первой печатной книги Далмаціи ж уже выражается и буквою (лат.) х“. (Сборникъ, стр. 152). На основаніи этого соображенія, которое выше нами поставлено въ качествѣ руководящаго правила при опредѣленіи прототиповъ словянскихъ буквъ, можно было ожидать, что г. Ягичъ, остановившійся на $\theta\theta$ или $\vartheta\vartheta$ или $\vartheta\epsilon$, какъ на возможныхъ прототипахъ ж, будетъ подтверждать свои предположенія не только сходствомъ фигуръ на таблицахъ, которое можетъ быть и случайнымъ, но и примѣрами передачи словянск. ж въ греческой письменности посредствомъ $\vartheta\vartheta$ или $\vartheta\epsilon$. Ничего такого однакожь

у г. Ягича мы не находимъ, а у греческихъ писателей мы, напротивъ, находимъ, что словянское Ж всегда передается, насколько намъ извѣстно, посредствомъ греч. ζ, точно также, какъ и въ лат. грамотахъ звукъ ж большею частію выражается посредствомъ простаго Z или двойнаго, такъ что и въ латино-словянск. азбукахъ уже установившихся Z съ какою-нибудь приставкою служатъ обыкновенно для выраженія Ж. Греки точно также выражали и выражаютъ словянск. Ж посредствомъ ζ, а не ϑϑ или ϑε, каковыя комбинаціи звуковъ едвали когда-нибудь походили на слов. Ж.

На это же происхожденіе слов. Ж изъ греч. ζ указываютъ и занимаемое имъ мѣсто; какъ „буки“, произшедшее изъ „внты“ стоитъ впереди этой послѣдней, такъ и ж, произшедшее изъ ζ, стоитъ впереди ζ и даже впереди „зѣла“. Еслибы ж, напротивъ, вышло изъ лигатуры, то оно стояло бы позади греческаго алфавита, какъ ш, ч, ц и т. д. Но какъ ж могло произойти изъ ζ? Въ возможности и легкости происхожденія ж изъ греч. ζ, какъ кажется, очень скоро можно убѣдиться, если писать греческое ζ подобно латинскому, безъ хвоста внизу, какъ ζ и писалось очень часто (см. у Гардтгаузена табл. 3, 4 и 5), и при этомъ, обращая верхнюю черту въ полукруги, сближать ихъ, сокращая соединяющую ихъ наклоненную черту. При такомъ написаніи мы получимъ фигуру, изъ которой очень легко и просто могла выйти глаголическая фигура „живете“. Кирилловское ж повидимому образовано изъ глаголическаго и передѣлано въ унциаль, или, подобно глаголическому, передѣлано изъ унциальнаго Z посредствомъ закругленія нижнихъ чертъ и соединенія ихъ прямою, но не наклоненною, какъ въ Z, чертою иходящею, какъ и Z, до самаго верха и низа строки.

Фигура и числовое значеніе ¹⁾ кирилловскаго „зѣла“ говорятъ противъ всякихъ другихъ поисковъ, кромѣ греч. прежней дигаммы F, которая въ VII—IX в. писалась совер-

---

¹⁾ Цифровое значеніе «зѣла» въ кирилловскомъ алфавитѣ и его тождественность съ греческимъ цифровымъ значеніемъ того же знака имѣтъ важное значеніе для опредѣленія прототипа, такъ какъ кирилловскій числовой алфавитъ совершенно тождественъ съ греческимъ и новыя славянскія буквы: к и ж не принимаются во вниманіе и не входятъ въ него. Не вошло бы и «зѣла», еслибы оно было новымъ знакомъ.

шенно тождественно съ кирилловскимъ „зѣломъ“, а позднѣе приняла форму лигатуры $\sigma\tau$ и стала называться стигмою, благодаря чему и цифра 6, означаемая греко-слов. σ , у новогрековъ заглавнымъ шрифтомъ изображается такъ: $\Sigma\tau$. Тэйлоръ видитъ прототипъ кирилл. зѣла въ греч. лигатурѣ $\delta\zeta$; но такой лигатуры нѣтъ и не было по невозможности для греч. яз. такого сочетанія звуковъ, а поставленныя имъ на 2 таблицѣ лигатуры означаютъ $\delta\epsilon$, а не $\delta\zeta$ (см. Wattenbach, *Anleitung zur Griech. Palaeographie*, литогр. приложение, стр. 5). Глаголическое „зѣло“ Тэйлоръ возводитъ къ греч. ζ , ему слѣдуетъ и акад. Ягичъ. Это конечно болѣе вѣроятно, но едвали вѣрно. Глаголич. зѣло, безъ сомнѣнія, такого же происхожденія, какъ и кирилловское. Какъ всѣ другія буквы въ обѣихъ азбукахъ одинаковаго происхожденія, такъ и „зѣло“ безъ сомнѣнія одинаковаго происхожденія. Что же касается глаголич. зѣла, то разница въ кирилловскомъ обусловливается только общимъ характеромъ той и другой азбуки; а при малѣйшемъ сближеніи ихъ и приближеніи глаголической буквы къ кирилловской получаются почти тождественныя формы, не оставляющія никакого сомнѣнія въ ихъ одинаковомъ происхожденіи. Въ справедливости этого легко убѣдиться, если взглянуть на XVII снимокъ въ снимкахъ съ древнихъ глаголическихъ памятниковъ И. И. Срезневскаго. Въ этомъ снимкѣ среди кириллицы попадаются глаголическія буквы и между прочимъ въ словѣ: пользоу, з выражено глаголическимъ зѣломъ, которое приспособлено къ кирилловскому письму и, будучи ради этого лишено чисто глаголическихъ завитковъ, очень близко подходит къ кирилловскому. Разница заключается только въ томъ, что въ глаголическомъ „зѣлѣ“ нижній крючекъ заведенъ налѣво чрезъ вертикальную черту, благодаря чему эта буква очень напоминаетъ въ тоже время и древнѣйшія формы глаголическаго зѣла и показываетъ, какъ вышла та странная и причудливая форма глаголическихъ буквъ изъ курсивнаго греческаго письма. Изъ этого же интереснаго снимка можно видѣть, что глаголич. „вѣди“ дѣйствительно не что иное, какъ курсивная форма β , а не ν , какъ полагалъ Тэйлоръ: въ словахъ: „да не въ бѣдоу вънадши“ в написано въ обѣихъ случаяхъ глаголическимъ „вѣди“, изъ которыхъ одна очень походитъ на свой прототипъ ($\nu = \beta$), а другая, въ которой только верхніе концы утолщены, приближается къ обык-

новенному глаголическому вѣди, съ завитками на верхнихъ концахъ.

Прототипъ глаголической з уже Шафарикъ видѣлъ въ греч. *ϑ*; ему слѣдуютъ гг. Гейтлеръ и Ягичъ. Послѣдній ставитъ въ заслугу Гейтлеру указаніе на передачу у Іоанна, эвзарха болгарскаго, греч. слова *ῥουγ* посредствомъ *ezni*. Принимая во вниманіе этотъ фактъ въ связи съ новогреческимъ произношеніемъ *ϑ*, которое до нѣкоторой степени подходит къ словянск. з, а равно и видъ глаголич. з въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, дѣйствительно можно остановиться на этомъ объясненіи, какъ на такомъ, которое заслуживаетъ полнаго вниманія и во всякомъ случаѣ должно быть принято въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что глаголич. азбука какъ и кирилловская не взяли въ свой алфавитъ письменный греч. *θ* и только въ послѣдствіи для написанія греческихъ словъ употребляли его, какъ *Ξ*, *Υ*, почему *θ* и оказалась въ позднѣйшихъ словянскихъ азбукахъ въ концѣ алфавита, хотя въ цифровой кирилловской азбукѣ она стоитъ на своемъ греческомъ мѣстѣ. — Противъ объясненія Шафарика и Гейтлера пока можно указать на то обстоятельство, что вѣдншее сходство въ греч. *θ* глагол. з можетъ быть случайное, т. е., что лѣвый четырехугольникъ или кругъ не заставляють непременно предполагать и въ прототипѣ двѣ соединенныя черты, а могли выйти изъ одной, какъ это вышло, напр., въ ф, т, второй, краткой чертѣ п и др.; съ другой стороны порядокъ буквъ въ 'кирилловской азбукѣ, которому слѣдуетъ и глаголическая, прежде всего заставляеть искать прототипа и глаголической з въ греческ. *ζ*. Къ сожалѣнію поисковъ въ этомъ направленіи не сдѣлано и мы не можемъ указать ни въ греческихъ памятникахъ ни въ глаголическихъ такой формы, которая бы происхожденіе глаголич. з изъ греч. *ζ* дѣлала болѣе или менѣе очевиднымъ и убѣдительнымъ. Хотя особеннаго затрудненія въ произведеніи глаголической фигуры з изъ греч. *ζ* и не представляется, тѣмъ не менѣе необходимо болѣе внимательное и обстоятельное сравненіе формъ греч. и глаголическихъ по самымъ памятникамъ для того, чтобы или убѣдиться въ тождествѣ греч. и глаголич. з, которымъ греки обыкновенно передавали словянск. з, или принять мнѣніе Шафарика-Гейтлера и возводить глаголич. з къ греч. *θ*. Во всякомъ случаѣ мнѣніе Тейлора о происхожденіи глаголич. з изъ греческой лига-

туры ѠѢ едва ли можетъ быть принято, такъ какъ въ такой лигатурѣ не было надобности благодаря присутствію въ греческой азбукѣ знаковъ, способныхъ приблизительно выражать словянскій звукъ; кромѣ того, еслибы глаголич. з была лигатура, то она стояла бы позади греческаго алфавита, между тѣмъ какъ уже въ древнѣйшихъ азбукахъ глаголическихъ мы находимъ з тамъ же, гдѣ она стоитъ въ кириллицѣ и гдѣ она должна стоять сообразно съ алфавитомъ греческимъ, прототипомъ глаголицы.

Глаголич. „иже“ Тэйлоръ сравниваетъ съ греч. ζ, а і съ греч. ι съ двумя точками надъ ними или съ ει. Хотя такое сопоставленіе имѣетъ за себя соотвѣтствіе въ порядкѣ греческаго и кирилловскаго алфавита, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе употребленіе того и другаго знака въ глаголическихъ памятникахъ и тождественное ихъ значеніе, можно скорѣе полагать, что въ этомъ случаѣ въ глаголической азбукѣ произошла перестановка рядомъ стоящихъ знаковъ, такъ что глаголич. „иже“ соотвѣтствуетъ греч. ι съ двумя точками, а глаголич. і греч. η. Преф. Ягичъ приходитъ къ тому же заключенію на основаніи того, что есть сходство въ фигурѣ и что возможно легко объяснить всѣ черты глаголич. и, і изъ греч. ι и η, а не наоборотъ. Кромѣ этихъ соображеній въ пользу сопоставленія г. Ягича говоритъ употребленіе глаголич. и и і, что по нашему мнѣнію гораздо важнѣе. Дѣло въ томъ, что глаголич. и или знакъ, соотвѣтствующій *по порядку* буквъ кирилловскому и и греч. η въ памятникахъ употребляется именно тамъ, гдѣ въ кирилловской азбукѣ ставится і, а глаголич. і напротивъ стоитъ тамъ, гдѣ въ кирилловскомъ алфавитѣ стоитъ и, или употребляются смѣшанно, такъ что покойный И. И. Срезневскій при транскрипціи глаголич. текстовъ кирилловскими буквами ставилъ і тамъ, гдѣ въ глаголич. текстѣ стоитъ знакъ для иже, а и напротивъ тамъ, гдѣ стоитъ знакъ для і (Древніе глаголическіе памятники, Спб. 1866). Кромѣ того въ пользу сопоставленія глаголич. иже съ ι говоритъ и то обстоятельство, что въ буквахъ - лигатурахъ, какъ ѡ, стоитъ въ глаголицѣ и тамъ, гдѣ въ кириллицѣ ставится і. Наконецъ и написаніе глаголич. і очевидно произошло изъ и и тамъ, гдѣ глаголическое письмо приближается къ кириллицѣ, глаголич. і пишется почти совершенно одинаково съ кирилловскимъ и; разница заключается только въ томъ, что гла-

голич. і соединяется, кромѣ середины, вверху и внизу, какъ это видно въ написаніи слова: „ради“ въ XVII снимкѣ у Срезневскаго.—Такъ какъ въ греч. алфавитѣ, кромѣ η и ι былъ еще знакъ, который по произношенію въ то время былъ близокъ къ и, а именно υ , = кирилл. и глаголич. икъ, вполслѣдствіи ижица, то и этотъ третій знакъ часто употреблялся въ нѣкоторыхъ глаголич. рукописяхъ вмѣсто и, напр, въ Зографскомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ, отрывки изъ которыхъ приведены у покойнаго Срезневскаго. Съ замѣною этого не подходящаго для словянъ знака болѣе соответствующимъ словянскимъ звукамъ укѣ (ou), икъ былъ вытѣсненъ и въ кириллицѣ попалъ наконецъ, а въ глаголицѣ, гдѣ онъ употреблялся для выраженія и наряду съ двумя другими знаками и гдѣ онъ по фигурѣ своей подходилъ къ иже, вышедшему изъ греч. і, онъ могъ смѣшиваться съ глаголич. иже и по фигурѣ и такимъ образомъ способствовать образованію этой именно формы, а быть можетъ даже замѣнить фигуру этой буквы своею собственною и стать на ея мѣстѣ. По крайней мѣрѣ изъ υ фигура глаголич. иже могла произойти всего легче и проще и разницы между ними очень незначительная. Другая форма греч. υ вошла въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ въ составъ двойнаго знака, соответствующаго кирилловскому ou.

Относительно к, л, м не можетъ быть никакого сомнѣнія. Эти буквы очевидно произошли изъ греческихъ съ прибавкою въ л и м завитковъ. К, не смотря на свою странную форму, которая особенно поражаетъ въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ (см. снимки Срезневскаго), представляетъ очевидное видоизмѣненіе греческой курсивной χ , образцовъ которой приведено много у Wattenbach'a (Einleitung, литогр. прил. стр. 12), въ таблицахъ Гардтгаузена, Тэйлора и Ягича.

Глаголическая буква „нашъ“, при всемъ своемъ несходствѣ съ кирилловскою, безъ всякаго сомнѣнія вышла изъ греческаго курсивнаго ψ , являющагося въ VII в. и окончательно установившагося въ VIII и IX вв. Въ справедливости и несомнѣнности производства глаголическаго и изъ греческаго курсивнаго ψ легко убѣдиться изъ сравненія довольно многочисленныхъ образцовъ той и другой буквы, приведенныхъ г. Ягичемъ въ его таблицахъ. Глаголическія буквы, приведенныя здѣсь, отличаются только тѣмъ, что верхняя правая прибавка сливается съ лѣвою вертикальною чертою

не только въ среднѣ, но и въ верху, такъ что *υ* дѣлается похожимъ на *ο*; но такое написаніе совершенно естественно и было не только въ глаголической письменности, но и въ греческой и произошло такимъ же естественнымъ и понятнымъ путемъ, какъ и въ глаголической (см. Wattenbach, *Einleitung*, литогр. прил. стр. 15).

Нѣсколько труднѣе представляется на первый взглядъ доказать тожество глаголической буквы *ο* съ греч. *ο*. Между тѣмъ какъ греч. буква всегда пишется въ видѣ кружка, глаголическая имѣетъ форму кренделя, положеннаго завитками на лѣво. Проф. Ягичъ старается объяснить происхожденіе этой формы изъ скорописнаго написанія *ο* въ связи съ другими буквами, особенно *λ* и *γ*, гдѣ *ο* пишется не въ видѣ отдѣльно стоящаго кружка, а въ видѣ кружка съ рожками, какъ иногда писалась лигатура *ου* (слов. 8). Изъ этихъ рожковъ г. Ягичъ и производитъ тѣ замысловатые завитки, которыми такъ отличается кренделеобразный глаголическій „онъ“ отъ греческаго *ο*. Намъ кажется, что кренделеобразную форму глаголическаго *ο* можно гораздо скорѣе и проще объяснить изъ написанія *ο* съ несходящимися закругленными линіями въ верхней части этой буквы. Такимъ образомъ написанное *ο* можно встрѣтить въ скорописныхъ рукописяхъ и нашего времени, какъ можно встрѣтить его и въ греческихъ, какъ, напр., въ папирусѣ изъ временъ восточно-римскаго императора Маврикія, на который мы уже указывали (см. въ самомъ началѣ слово: *ὀνόματι*). Въ такомъ написаніи греч. курсивнаго *ο* видѣлъ прототипъ глаголич. *ο* и Тэйлоръ, какъ видно изъ его 1-й таблицы, приложенной къ статьѣ, напечатанной въ V томѣ „Архива“ Ягича.

Возведеніе глаголич. „покоя“ къ греч. прототипу *π* не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія: отбросивъ обычныя глаголическія прибавки, мы получаемъ греч. *π* съ немного укороченною второю, правую вертикальную чертою. Образцы такого написанія *π* и притомъ съ закругленіемъ внизу второй черты, изъ чего вышла по всей вѣроятности глаголическая петля въ *π*, мы имѣемъ въ курсивномъ письмѣ греческомъ, начиная съ самыхъ раннихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ греческаго курсивнаго письма (см. таблицу въ *Palaeographie* Гардтгаузена). По странной игрѣ случая глаголич. форма повоя своею укороченною второю чертою подходитъ къ древнегреческой и финикійской формѣ

буквы п, изъ которой, какъ было сказано выше, вышла форма латинскаго и западноевропейскаго р. Но заключать изъ этого случайнаго совпаденія о латинскомъ происхожденіи глаголич. п было бы въ высшей степени неправильно въ виду несомнѣнно греческаго происхожденія другихъ буквъ, въ виду греческаго порядка ихъ и въ виду существованія многочисленныхъ образцовъ греч. курсивнаго π, изъ которыхъ также легко, какъ изъ латинскаго, могла развиться глаголич. форма п. Потому нельзя не согласиться съ г. Ягичемъ, который совершенно справедливо возстаетъ противъ албано - римской теоріи Гейтлера и относительно глаголич. „покоя“ единственной буквы, гдѣ, *если взять ее отдѣльно отъ всей азбуки*, теорія Гейтлера имѣетъ за себя кос - какія основанія.

Гораздо больше затрудненій представляетъ глаголич. форма ρ, которая очень походитъ на кирилловскій ѣ, т. е., имѣетъ полукругъ при вертикальной чертѣ не въ верху, а въ низу. Образцовъ такого написанія ρ въ греческихъ памятникахъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не указано и приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Акад. Ягичъ вмѣстѣ съ Тэйлоромъ производитъ глаголич. форму ρ изъ греч. ϱ, полагая, что полукругъ въ низу развился изъ закругленія или крючка, которымъ обыкновенно заканчивается вертикальная черта, что сохранилось до извѣстной степени и въ печатной формѣ ϱ. Этотъ крючекъ въ скорописи иногда продолжался въ видѣ почерка до соединенія съ слѣдующею буквою и вообще загибается вверхъ довольно много, такъ что изъ него по господствующей въ глаголицѣ манерѣ дѣйствительно могъ развиться тотъ полукругъ внизу, который дѣлаетъ глаголич. ρ похожимъ на кирилловскій ѣ. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что верхній полукругъ греч. ϱ въ скорописи очень часто дѣлался очень незначительнымъ, а иногда при написаніи ϱ съ одного почерка замѣнялся дугообразнымъ изгибомъ вправо; слѣд. уже греч. написаніе этой буквы давало возможность легко развивать изъ ϱ ту фигуру, которую въ глаголицѣ изображаетъ эта буква. Но въ глаголицѣ были еще свои причины для преобразованія этой буквы: греч. υ, сообразно съ скорописнымъ изображеніемъ этой буквы, какъ было указано, приняло въ глаголицѣ такую форму, которая дѣлала, глаголич. п очень похожимъ на ρ; весьма вѣроятно поэтому, что стремленіе къ отличію ρ

отъ и и было причиною того, что въ р верхній полукругъ все болѣе и болѣе сглаживался, между тѣмъ какъ нижній крючекъ развивался и перешелъ въ полукругъ. Акад. Ягичъ думаетъ, что стремленіе къ различію отъ глаголич. п заставило сдѣлать такія видоизмѣненія въ р; но едва ли съ этимъ можно согласиться: п въ глаголицѣ значительно разнится отъ р и чѣмъ ближе по времени и формѣ глаголич. п было къ своему прототипу, тѣмъ менѣе сходства эта буква имѣла съ р; слѣд. и такое стремленіе не могло существовать. Другое дѣло относительно ѵ. Уже въ греч. рукописяхъ встрѣчается не рѣдко написаніе ѵ, дѣлающее его очень похожимъ на р, благодаря соединенію верхней краткой правой черты съ лѣвою длинною; въ глаголицѣ это соединеніе и скругленіе прибавочной черты въ полукругъ сдѣлали п совершенно сходнымъ съ р. Такое сходство могло существовать и во время заимствованія; потому и стремленіе къ различенію могло явиться очень рано и привести ко времени написанія древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ глаголическихъ памятниковъ къ значительной и твердо установившейся разницѣ между этими сначала сходными буквами. Такого рода видоизмѣненія, направленные къ большому различенію двухъ болѣе или менѣе сходныхъ заимствованныхъ буквъ замѣчается въ исторіи и другихъ алфавитовъ.

Грибообразное глаголическое „слово“ акад. Ягичъ совершенно справедливо производитъ изъ греч. курсивнаго σ, какъ и Тэйлоръ. Нельзя согласиться съ почтеннымъ академикомъ только въ подробностяхъ: по его мнѣнію, изъ кружка греческаго σ вышла кружечка и въ глаголической буквѣ, между тѣмъ какъ ножка, стоящая подъ этимъ кружкомъ, вышла изъ загибающагося сверху усика, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ глаголическая буква является перевернутою или поставленною верхнимъ концомъ внизъ. Сдѣлано это для того, чтобы избѣжать сходства съ формою буквы, соответствующей греч. η (см. выше). Едва ли нужно прибѣгать къ такому искусственному объясненію и ставить верхомъ внизъ. Грибообразная фигура глаголич. „слова“ могла произойти изъ курсивнаго σ, близкаго къ теперешнему печатному σ безъ всякаго перевертыванія. Дѣло въ томъ, что при глаголическомъ пристрастіи къ петлямъ и кружкамъ верхній кружечекъ могъ легко выйти изъ загнутаго вверхъ усика, какъ изъ почерковъ и точекъ въ λ и μ въ-

шли кружки и петельки, украшающіе эти глаголическія буквы. Когда изъ усика, загнутаго назадъ, вышелъ кружокъ, то явилась фигура, похожая на сдвоенную сверху цифру 8. При передѣлѣ курсива въ уставное письмо нижній кружокъ получилъ сначала квадратную форму, а потомъ форму треугольника и вся фигура стала походить на поставленную вверхъ ногами глаголич. букву, вышедшую изъ греч. η.

Доказательствомъ того, какъ изъ незначительныхъ штриховъ въ глаголической азбуцѣ выходили кружки и петли, можетъ служить „твердо“. Двѣ спускающіяся внизъ сверху строки петли вышли изъ маленькихъ штриховъ, направленныхъ внизъ и заканчивающихся верхнюю черту буквы т, которая покрываетъ вертикальную, между тѣмъ какъ эта вертикальная черта исчезла. Образцы написанія т съ незначительною вертикальною чертою и развитою въ два расходящіяся въ противоположныя стороны усика появляются очень рано въ греческой письменности и вполне объясняютъ возможность появленія такой формы т, какую мы имѣемъ въ глаголической азбуцѣ. На такую форму греч. τ, какъ на прототипъ глаголической, указалъ Тэйлоръ, и г. Ягичъ, соглашаясь съ Тэйлоромъ, совершенно справедливо отвергаетъ необходимость за объясненіемъ глаголическаго „твердо“ обращаться къ латинской или албанской азбуцѣ, когда представляется полная возможность объяснить эту букву изъ той самой азбуки, изъ которой заимствованы остальные буквы, какъ это несомнѣнно доказывается, помимо формы, порядкомъ и числовымъ значеніемъ буквъ ⁴⁾.

Послѣ Т въ греческомъ алфавитѣ слѣдуетъ У. Въ обихъ словянскихъ азбукахъ первоначально повидимому также за т слѣдовали знаки, тождественные съ греческимъ υ, такъ по крайней мѣрѣ заставляють думать свидѣтельство Храбра, стихотвореніе епископа Климента съ азбучнымъ акростихомъ и *Abesentium Vulgaricum*; числовое значеніе υ (400) также говоритъ въ пользу существованія въ словянскихъ азбукахъ ижицы на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ греч. υ. Но такъ какъ греч. υ давно уже утратилъ

---

⁴⁾ Относительно формъ греч. курсивнаго τ см. Wattenbach, *Eihleitung*, лит. прил. стр. 24. Саввы, *Палеограф. снимки, дополненія, табл. У в VI.*

значение *у*, а во время заимствования славянами греч. азбуки *υ* произносился почти какъ и, то и назывался онъ „икъ“, какъ это видно изъ анонима, напечатаннаго Бандуричемъ (ѣк) и *Abecedarium Bulgaricum*, гдѣ этотъ знакъ называется *hies*. (См. Срезневскаго, Древніе глаголич. памятники, стр. 16—30). Въ кирилловской азбукѣ „икъ“ писался совершенно также; какъ греч. унциальный *Υ*, а въ глаголицѣ вышелъ знакъ, по своимъ чертамъ прямо восходящій къ греческому курсиву VIII—VII столѣтія. Но въ виду того, что *υ* значило почти и, а для и и безъ того уже было два знака, между тѣмъ какъ для *у* (лат. *u*) не было ни одного, обѣ славянскія азбуки взяли греческій способъ изображать *у*, т. е. писали его посредствомъ двухъ буквъ, *оу*. Этотъ двойной знакъ, которымъ былъ замѣненъ оказавшійся ненужнымъ простой, занялъ и мѣсто замѣненнаго *υ*, тѣмъ легче и естественнѣе, что *υ* входитъ въ составъ знака для *оу* и въ обѣихъ азбукахъ стоитъ вмѣсто того греческаго знака, который самъ первоначально означалъ *у*, лат. *u*. Вытѣснивъ *υ* въ письмѣ, славянская письменность и въ числовой азбукѣ, въ порядкѣ буквъ стала употреблять *оу* вмѣсто *υ*, такъ что *υ* въ кириллицѣ, употребляясь подобно нѣкоторымъ другимъ буквамъ, только въ греческихъ словахъ, попала на самый конецъ азбуки.

За *υ* въ греч. алфавитѣ слѣдуютъ *φ*, *χ*, *ψ*, *ω*; славянскія азбуки, не нуждаясь въ *ψ*, не взяли его, и только въ послѣдствіи *ψ* является въ кириллицѣ для написанія греч. словъ, подобно *θ*, *ξ* и *ν*, хотя въ числовомъ алфавитѣ *ψ* употреблялось постоянно въ своемъ греческомъ значеніи, между тѣмъ какъ въ глаголицѣ, употреблявшей и въ числовомъ алфавитѣ только славянскія буквы, цифровое значеніе *ψ* перешло на слѣдующую букву „отъ“ = *ω*. Остальныя 3 конечныя буквы греческаго алфавита заимствованы обѣими славянскими азбуками и сохранили начертаніе ихъ, за исключеніемъ глаголическаго *χ*, такое же, какое онѣ имѣли въ греческой письменности. Относительно *φ* глаголическая азбука отступила даже отъ своего обычая украшать греч. прототипы разными добавочными чертами, кружками и завитками, такъ что *φ* во всѣхъ извѣстныхъ формахъ осталось очень близко къ своему прототипу и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ своемъ греческомъ происхожденіи. Относительно тождества „отъ“ съ греч. *ω* также не можетъ быть ни-

какого сомнѣнія, не смотря на украшающіе эту букву кружки и хвостики.

Гораздо большему измѣненію подверглась буква χ . Акад. Ягичъ, который ратуетъ противъ Гейтлера въ пользу греческаго происхожденія глаголицы, находитъ такъ мало сходства между греч. χ и глаголич. буквою χ , что затрудняется производить обыкновенное глаголич. χ изъ греческаго. Ему глаголич. форма χ , „очень ясно указываетъ на глаголич. же $г$, къ которому она подходитъ гораздо ближе, чѣмъ къ лат. h , о которомъ и онъ прежде думалъ, сходясь въ этомъ съ изслѣдованіемъ Гейтлера“. Почтенному академику это производство глаголич. χ отъ $г$ тѣмъ болѣе нравится, что оно говоритъ въ пользу его теоріи о Паннонскомъ происхожденіи и первоначальномъ существованіи глаголицы, такъ какъ въ Моравіи и Панноніи „по мѣстностямъ несомнѣнно (?) уже тогда слышно было произношеніе g какъ h “. Положимъ, что дѣйствительно уже въ первое время существованія глаголицы g въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Моравіи и Панноніи произносились какъ h , что еще требуетъ доказательствъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что $\chi = ch$ произносилось какъ h . Притомъ и употреблять одинъ и тотъ же знакъ для выраженія двухъ звуковъ не было необходимости, когда въ греческой азбукѣ на лицо былъ знакъ, выражающій именно тотъ звукъ, знакъ для котораго нуженъ былъ для славянской азбуки. А такъ какъ этотъ знакъ и въ славянскихъ азбукахъ занимаетъ именно то мѣсто, которое занимаетъ соответствующій греческій, то искать прототипъ этой славянской азбуки нужно прежде всего въ греческихъ формахъ этого знака. Уклониться отъ этого пути заставляетъ г. Ягича несходство формъ глаголической буквы съ греческою. Но вѣдь между наукообразнымъ глаголич. χ , какъ эта буква изображена въ *Abecedarium Vulgaricum*, и греч. χ разницы еще больше, чѣмъ между обыкновеннымъ глаголич. χ и греч. χ , а между тѣмъ г. Ягичъ признаетъ вмѣстѣ съ Гейтлеромъ, что наукообразное глаголич. χ есть передѣлка греч. χ , сдѣланная посредствомъ прибавки любимой округлости въ центрѣ буквы. Еще скорѣе и проще изъ формъ греч. χ могла развиться обыкновенная форма глаголич. χ , такъ какъ разница между глаголич. буквою и греческою въ сущности заключается только въ томъ, что въ глаголич. буквѣ одна черта, правая боковая, не перекрещиваетъ прямую, а только

доходить до нея, что легко могло явиться при стремленіи писать греч. χ съ одного почерка, начиная съ лѣвой прямой. Правда, глаголич. χ еще легче можетъ быть произведено отъ лат. h, но порядокъ, числовое значеніе и происхожденіе другихъ глаголич. буквъ не позволяютъ нивоимъ образомъ обращаться къ латинскому алфавиту, а заставляютъ искать источника χ тамъ же, откуда взяты другія буквы и притомъ въ той самой греческой буквѣ, которая выражаетъ тотъ же звукъ, что и глаголич. буква. Такъ какъ, помимо другихъ важныхъ основаній, и форма глаголич. буквы не представляетъ особыхъ препятствій къ возведенію ея къ соответствующему греч. прототипу, то все заставляетъ согласиться скорѣе съ Тейлоромъ, сопоставляющимъ глаголич. χ съ греч. χ, чѣмъ съ акад. Ягичемъ.

Послѣ буквъ, взятыхъ изъ греч. алфавита или передѣланныхъ изъ простыхъ греческихъ (б, ж), въ обѣихъ словянскихъ азбукахъ идутъ совершенно новыя, чисто словянскія буквы, подобно тому какъ въ греч. алфавитѣ за финикійскими буквами (до ζ включительно) слѣдуютъ выработанныя самими греками знаки. Первое мѣсто среди этихъ выработавшихся на чисто словянской почвѣ буквъ занимаютъ ц и ч, явившіяся, какъ показывасть ихъ мѣсто, раньше другихъ новыхъ буквъ. Въ греческомъ языкѣ не было знаковъ для звуковъ ц и ч, точно также какъ и для ш, џ и пр.; потому полагали, что прототиповъ этихъ буквъ нужно искать не въ греческомъ, а въ какомъ-нибудь другомъ алфавитѣ, изъ котораго словянскіе первоучители могли заимствовать эти знаки; а такъ какъ въ еврейскомъ алфавитѣ существовали знаки для ц и ш (цаде и шинъ), которые и по написанію нѣсколько напоминаютъ словянскія буквы ц и ш, то полагали, что эти знаки заимствованы ученымъ и знавшимъ еврейскій языкъ св. Кирилломъ изъ еврейскаго алфавита. Само по себѣ такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, если думать, что до словянскихъ первоучителей словяне не писали пословянскп. Но какъ исторія другихъ алфавитовъ, такъ и разныя историческія соображенія, указанная выше, не позволяютъ думать, чтобы словяне вовсе и всѣ были лишены всякой письменности до появленія у нихъ святыхъ братьевъ. Словяне, находившіеся подъ греческимъ влияніемъ и писавшіе по словянски греческими буквами, безъ сомнѣнія выражали буквами этого же алфавита и свои словянскіе звуки, для которыхъ

не было буквъ въ греческомъ алфавитѣ, въ томъ числѣ *ц* и *ш*, подобно тому или точно также, какъ сами греки, учителя словянъ въ грамотности, выражали буквами своего алфавита разные звуки въ иностранныхъ словахъ, чуждые греческому языку, въ томъ числѣ и словянскіе, которые имъ очень часто приходилось выражать письменно. Обращаясь къ греческой письменности, за неимѣніемъ памятниковъ словянской письменности, написанныхъ чисто греческимъ алфавитомъ подобно написаннымъ латинскимъ алфавитомъ, мы находимъ, что греки выражали словянской звукъ *ц* обыкновенно посредствомъ *τζ*, какъ теперь греки тотъ же звукъ выражаютъ посредствомъ *τζ* или *τσ*¹⁾. Кирилловская буква *ц* дѣйствительно легко можетъ быть возведена къ лигатурѣ *τζ*, — буквы, которая даже въ видѣ отдѣльныхъ буквъ напоминаютъ поставленные рядомъ кирилл. *ц*. Къ сожалѣнію глаголическая форма *ц*, имѣющая какъ и всѣ другія буквы, несомнѣнную связь съ кирилловскою, не такъ легко и для всѣхъ убѣдительно можетъ быть возведена къ лигатурѣ *τζ*. По своей формѣ глаголич. *ц* походитъ больше всего на лигатуру *στ* или такъ называемую стигму. Съ этою лигатурою Тэйлоръ и сопоставляетъ словянское кирилловск. *ц*. Но г. Ягичъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что *στ* далеко не то же, что *τσ* и между этими комбинаціями большая разница; *στ* скорѣе могло служить для выраженія *шт* = *ш*, какъ это видно изъ названій словянскихъ поселеній въ греческихъ областяхъ²⁾. Самъ акад. Ягичъ полагаетъ, что глаголич. *ц* есть передѣлка греч. *ζ* и, кромѣ легкости (?) образованія глаголич.

¹⁾ Въ повѣстнее время въ собственныхъ именахъ иностранныхъ, сколько имъ извѣстно, греки для выраженія *ц* употребляютъ *τζ* и *τσ*, какъ напр., извѣстный греческій историкъ Панапригонуло въ своей *ιστορία τ. ἑλλ. ἔθνους*. Тѣже комбинаціи употребляются и для выраженія слав. *ч*, какъ видно изъ книги того же Панапригонуло. Еще болѣе образцовъ изображенія словянскихъ *ц* и *ч* можно видѣть въ статьѣ Миклошича: *Geschichte d. Lautbezeichn. im Bulgar.*, помѣщенный въ 34-мъ томѣ *Denkschriften Бѣнской Академіи Наукъ*, стр. 97 и слѣд. Ср. еще ту же статью: *die Slavischen Ortsnamen*, II, *ibid.* томъ XXIII, стр. 152, напр., *τζαροβιτσα*, *τσερσιβινα*, стр. 154 *τσερνίτσα* и пр.

²⁾ Напр. *πέστιανη*, *πεστιανά* или *ολιοδιανή*, *πέστανη* (=пештаны) *Miklosich. ibid.* стр. 213.

фигуры *ц* изъ греч. курсивнаго *ζ*, въ доказательство возможности такого производства, указываетъ на близость звуковъ *dz* и *ц*, которая доказывается между прочимъ смѣшеніемъ въ разныхъ новогреческихъ діалектахъ *τζ* = *dz* (Foy, Lautsystem d. Griech. Vulgärsprache, s. 54) и *τσ* = *ц* (ibid. s. 58). Все это очень возможно, и можно было бы согласиться съ почтеннымъ профессоромъ, если бы греч. *ζ*, когда его заимствовали въ свою азбуку словяне, выражало дѣйствительно *dz*, какъ это было, по всей вѣроятности, въ древнемъ, классическомъ греческомъ языкѣ (см. Курціусъ, Grundzüge d. Griech. Etymologie, 4 Aufl., s. 600 слѣд.). Этотъ сложный звукъ греки теперь дѣйствительно выражаютъ посредствомъ *τζ* (см. Foy, s. 54), посредствомъ которыхъ они передаютъ и словянск. *ц*; слѣд., и передача слов. *ц* посредствомъ *ζ* была бы не только вѣроятна, но и совершенно естественна, если бы во время заимствованія словянами греческой азбуки *ζ* выражало *dz*. Но въ этомъ-то и состоитъ затрудненіе. Чтобы убѣдить въ справедливости своего предположенія, г. Ягичъ долженъ былъ доказать, что греки времени заимствованія словянами греч. азбуки произносили *ζ*, какъ *dz*, и что слов. *ц* они выражали посредствомъ *ζ*. За неимѣніемъ такихъ доказательствъ, а имѣя въ виду напротивъ не мало доказательствъ того, что греки давно уже произносили *ζ*, какъ теперешнее русск. *з*, и словянское *ц* выражали какъ и *ч* посредствомъ *τζ*, принять мнѣніе проф. Ягича о происхожденіи *ц* изъ греч. *ζ* мы находимъ невозможнымъ. Въ ожиданіи разъясненія этого вопроса памятниками, болѣе древними, чѣмъ извѣстные до настоящаго времени, остается и въ отношеніи *ц* остановиться на греческой системѣ выраженія этого звука, т. е., на *τζ*. Это объясненіе будетъ разниться отъ объясненія акад. Ягича только въ томъ, что передній верхній кружокъ получить свой *raison d'être* не въ „стилистической поправкѣ“, а въ первой буквѣ лигатуры *τζ*, между тѣмъ какъ правую черту

¹⁾ Въ той же самой книгѣ Foy'я, на которую ссылается акад. Ягичъ, на стр. 50 въ доказательство того, что *ζ* въ извѣстныхъ случаяхъ уже давно произносилось, какъ русск. *з*, между прочимъ говорится: Eustathios p. 217, 228, 1421 bringt Formen vor wie *ξβέννυμι*, *ξμερδαλεος ξμινύη*, *ξμικρός* die er bald *schäisch*, bald *attisch* nennt. Iedenfalls sprach man zu Eustathios Zeit schon ganz allgemein nach der heutigen Weise.

можно действительно объяснить изъ нижняго хвостика ζ , особенно если предположить, что въ этой лигатурѣ ζ писалось наклоненно. Во всякомъ случаѣ такое объясненіе будетъ согласно съ тѣмъ способомъ выраженія ψ , который употребляли учителя словянъ въ письменности, и въ то же время даетъ возможность изъ той же лигатуры производить кирилловскую букву ψ .

Посредствомъ $\tau\zeta$ греки выражали не только ψ , но и χ , какъ уже было сказано. Грѣсьма вѣроятно, что и словяне первоначально выражали свой звукъ χ также, какъ и ψ , но потомъ съ развитіемъ самостоятельной словянской азбуки естественно долженъ былъ явиться особый знакъ для χ , который могъ развиться изъ знака для ψ или составиться изъ какой-нибудь другой комбинаціи подходящихъ греческихъ буквъ. Въ обѣихъ словянскихъ азбукахъ знаки для χ несомнѣнно одинаковаго происхожденія и кирилловскій χ представляетъ только упрощеніе глаголическаго, упрощеніе, благодаря которому онъ сталъ походить на современную греческую копну, употреблявшуюся въ качествѣ цифроваго знака для 90, въ каковомъ значеніи употребляется и χ въ кириллицѣ. Глаголич. χ въ свою очередь имѣетъ сходство съ глаголическою же формою буквы ψ ; главная разница между ними заключается только въ томъ, что въ χ средняя прямая черта не доходитъ до уровня съ боковыми и сверху покрыта поперечною чертою. Это сходство въ формѣ позволяетъ искать прототипа обѣихъ буквъ χ и ψ въ одной греческой лигатурѣ, тѣмъ болѣе что и звуковая разница между χ и ψ говоритъ въ пользу возможности развитія обѣихъ буквъ изъ одной лигатуры. Если $\psi = \text{шт}$, то $\chi = \text{тш}$; слѣдовательно въ составъ знаковъ для выраженія этихъ звуковъ входили тѣ же буквы, только въ другомъ порядкѣ, если бы онѣ писались рядомъ. Но ψ , произшедшая несомнѣнно изъ шт съ подписаннымъ внизу τ , показываетъ, что въ этой лигатурѣ буквы писались не рядомъ, а одна надъ другою, такъ что входящая въ составъ лигатуры буквы могли читаться и въ смыслѣ шт и въ смыслѣ тш , т. е. χ . А такъ какъ ψ буква сравнительно новая и въ древнѣйшихъ памятникахъ изображалась посредствомъ шт , то можно думать, что лигатура $\text{тш} = \chi$ явилась раньше, а затѣмъ та же пара буквъ, благодаря обычаю писать шт посредствомъ лигатуры $\tau\psi$, дала другую букву ψ , по

всей вѣроятности тогда, когда составные элементы ч были уже забыты, такъ что та же пара буквъ, но произносимая въ обратномъ порядкѣ, могла безъ всякаго затрудненія служить для выраженія другаго звука.

Но ч, явившись ранѣе џ, въ свою очередь могло явиться только тогда, когда уже была ш. Относительно происхожденія этой буквы до Тейлора большинство ученыхъ были того мнѣнія, что эта буква есть ничто иное, какъ передѣлка еврейскаго *min* а, точно также какъ џ считалась за передѣлку еврейскаго *cade*. Дѣйствительно обѣ эти еврейскія буквы, если основываться въ исторіи алфавитовъ на формѣ буквъ, болѣе всего походятъ на соответствующія словянскія ши и џ. Но такое производство возможно только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что словяне до св. братьевъ Кирилла и Меѳодія дѣйствительно на всемъ занимаемомъ словянами пространствѣ были безграмотны и не писали по словянски. Но такъ какъ допустить это очень трудно, а необходимо предположить, что одни изъ нихъ писали греческою азбукою за долго до св. братьевъ, точно также какъ писали и пишутъ латинскою, то естественно прежде всего и относительно этихъ буквъ обратиться къ греческой письменности и въ ней поискать источника и прототипа для ш, какъ и для џ. Ц, какъ мы видѣли, греки изображали посредствомъ ςζ, изъ каковой комбинаціи и вышла по всей вѣроятности буква џ. Точно такимъ же образомъ, т. е., посредствомъ какой-нибудь греческой буквы, одной или двухъ, греки и словяне выражали словянскій звукъ ш. Тейлоръ первый въ Архивѣ Ягича указалъ, что за отысканіемъ прототипа для ш нѣтъ необходимости обращаться къ еврейскому алфавиту, такъ какъ греч. лигатура *об* даетъ по формѣ весьма близкое и очень удобное объясненіе слов. ш. Акад. Ягичъ совершенно съ этимъ соглашается; точно также какъ и съ производствомъ Тейлора ч изъ *чи* и *ш* изъ *шт*, или, идя еще далѣе, изъ *шоб* и *обш*. Слов. ш изъ лигатуры *об* дѣйствительно легко могло развиваться и отличается отъ своего прототипа только выпрямленіемъ и одинаковымъ углощепіемъ линій, что необходимо должно было случиться при передѣлкѣ курсива въ уставное письмо. Для полной убѣдительности въ справедливости такого производства ш не достаетъ только фактовъ изъ современной записыванію словянской письменности греческой письменности. Но въ новой сло-

янской письменности, написанной греческими буквами, и действительно изображается посредством *ss*. Так южно-болгарскія слова, соотвѣтствующія русскимъ: держишь, глоташь, истолчешь изображаются греческимъ алфавитомъ слѣдующимъ образомъ: *τρίοῦτος*, *καλτάος*, *ισταλτζѣтос* и т. д. См. Miklosich, Geschichte d. Lautbezeichn. im Bulgarischen, вѣ Denkschriften d. Wiener Academie, hist. phil. Classe, Band XXXIV, s. 117. Точно также и лат. буквами и весьма часто передается посредствомъ *ss*. См. Бодуэн-де Куртене, о Древне польск. языкѣ до XIV ст. Словарь, напр., стр. 9, въ словѣ Вышеградъ и передается то посредствомъ одного, то посредствомъ двухъ *s*.

з, зъ. Какъ въ кириллицѣ, такъ и въ глаголицѣ всѣ эти буквы имѣютъ повидимому одну основу и удачное объясненіе одного могло бы, кажется, разъяснить происхожденіе двухъ другихъ. Тейлоръ (въ Архивѣ) принимаетъ за основу всѣхъ трехъ то, что есть во всѣхъ трехъ буквахъ, т. е. *ь* и полагаетъ, что кирилловскій *ь* представляетъ собою простую и дѣйствительно весьма легкую передѣлку греч. курсивнаго *ε*, между тѣмъ какъ глаголич. *ь* онъ производитъ отъ комбинаціи *ε + ε*. На сколько первое вѣроятно и понятно, на столько второе произвольно и неубѣдительно. Въ обѣихъ азбукахъ буквы одинаковаго происхожденія, и потому во всякомъ случаѣ для убѣдительности производства необходимо исходить изъ однихъ и тѣхъ же буквъ. Потому и объясненіе з, придуманное Тейлоромъ, не можетъ считаться убѣдительнымъ, хотя оно не лишено остроумія: онъ полагаетъ, что въ з верхняя приставка съ правой стороны вышла изъ *о*, такъ что $z = oe$, а глаголич. $z = o + \epsilon$. Всѣ эти предположенія основаны повидимому на тѣхъ образцахъ древне-глаголич. буквъ, которыя были извѣстны почтенному англійскому ученому. Къ сожалѣнію, эти образцы были выбраны имъ не совсемъ удачно. Гораздо лучше и древнѣе тѣ образцы, которые даетъ акад. Ягичъ въ своихъ прекрасныхъ таблицахъ. Изъ этихъ образцовъ глаголическихъ з и ь видно, что въ древнихъ памятникахъ преобладаютъ два типа этихъ буквъ: одинъ типъ напоминаетъ глаголич. *о*, а другой глаголич. *и* и въ обѣихъ случаяхъ з и ь отличаются отъ *о* и *и* только боковыми прибавками. Этими же прибавками глаголич. з и ь отличаются и другъ отъ друга: между тѣмъ какъ въ з прибавляется кружежь, въ ь прибавляется только гвоадивъ. Акад. Ягичъ,

полагая, что „сначала разница между *з* и *ь* (глаголич.) не ограничивалась однимъ добавочнымъ элементомъ, а шла глубже“, высказываетъ догадку, что для *з*, „быть можетъ послужила основаніемъ буква *о* (глаго.), а для *ь* буква *и*, потому же въ однихъ памятникахъ преобладала для обоихъ глухихъ гласныхъ почеркъ въ основѣ напоминающій *о*, въ другихъ же почеркъ, похожій на *и* (глаголич.)“. Хотя известныя до сихъ поръ памятники глаголическіе всѣхъ временъ говорятъ повидимому въ пользу единства основныхъ чертъ *з* и *ь* какъ въ кириллицѣ, такъ и въ глаголицѣ, тѣмъ не менѣе въ виду того, что въ однихъ памятникахъ преобладаетъ форма обѣихъ буквъ, напоминающая глаголич. *о*, а въ другихъ форма, напоминающая глаголич. *и*, и что словянск. *з* соответствуетъ на концѣ словъ заимствованныхъ греч. *ο*, между тѣмъ какъ *ь* соответствуетъ очень часто греч. *η*, мнѣніе акад. Ягича остается признать, за отсутствіемъ данныхъ, которыя бы доказывали противное, наиболее близкимъ въ истинѣ, по крайней мѣрѣ наиболее вѣроятнымъ и согласнымъ съ тѣми принципами, которыми вообще руководствуются при заимствованіи буквъ.

ѣ. Глагол. букву **ѣ**, которая походитъ на кирилловскій малый юсъ, Тейлоръ предлагаетъ производить или изъ комбинаціи *ei + ε* или изъ *ei + α*, а кирилловскій **ѣ** изъ соединенія *ε* и крестообразнаго глаголич. *α* или изъ греч. *ι* и *ε*, причемъ во всѣхъ случаяхъ ставить знакъ вопроса. Догадки эти, слѣд., ему самому важутся довольно сомнительными. Акад. Ягичъ также затрудняется сказать что-нибудь относительно происхожденія глаголич. *ж* кирилловскаго **ѣ** и высказываетъ только желаніе „найти и въ этомъ загадочномъ треугольнике монографическое начертаніе какого-нибудь сочетанія двухъ знаковъ, напр., *εα*, но для него пока *liquet*. Къ сожалѣнію, почтенный академикъ не указываетъ основаній, которыя заставляютъ его желать видѣть въ **ѣ** комбинацію *εα*. Если эти основанія взяты изъ произношенія **ѣ** и написанія, напр., слова *Аѣтховъ* въ Иверской грамотѣ (Срезневскій, Глагол. пам. стр. 11) = Дѣтхо, то въ его желанію можно присоединиться, тѣмъ болѣе что изъ лигатуры *εα* дѣйствительно легко могла выйти при передѣлкѣ скорописи въ уставное письмо та фигура, которую имѣетъ глаголич. буква **ѣ**. Что же касается до кирилловской, то она могла развиться изъ той же лигатуры только написанной иначе или быть

заимствованною изъ глаголицы въ тѣхъ формахъ, образцы которыхъ приведены у Тейлора, но истолкованы имъ невѣрно, какъ первичныя, тогда какъ въ сущности они представляютъ видоизмѣненіе и сокращеніе первоначальной лигатуры.

ю. Кирилловская буква очевидно представляетъ лигатуру *ѣ* и *о* и образована подобно другимъ іотированнымъ буквамъ: *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѣ*. Точно также безъ всякаго сомнѣнія образовалась глаголич. буква ю, которая и въ своей видоизмѣненной, развившейся и установившейся формѣ представляетъ такую фигуру, въ которой легко узнать первоначальныя черты и составныя части лигатуры, т. е. *ѣо*, и акад. Ягичъ совершенно справедливо несомашается въ этомъ случаѣ съ Тейлоромъ, который считается ю = *ѣо*. Къ сожалѣнію, проф. Ягичъ, опровергая Гейтлера, ничего не говоритъ въ объясненіе того, почему въ словянской первоначальной письменности лигатура *ѣо* употреблялась для выраженія хотя и близкаго, но всетаки не тождественнаго звука. Предоставляя специалистамъ рѣшать вопросъ этотъ, если рѣшеніе зависитъ отъ фонетич. причинъ, мы позволимъ себѣ только высказать, съ палеограф. точки зрѣнія, предположеніе, что въ лигатурѣ ю, буквѣ сравнительно новой и несущественно необходимой (такъ какъ можно было *ѣ* + *о* выражать и двумя отдѣльными буквами), мы имѣемъ быть можетъ уже сокращеніе болѣе древней и полной формы этой вязи, т. е., юу или ѡу. Въ виду того, что комбинація *ѣ* + *о* не было и ю безъ у, которое входило въ оу, представляла самостоятельную и отличную отъ другихъ букву, явилась возможность не писать всѣ три знака для выраженія ю, а довольствоваться двумя, соединеніе которыхъ и безъ прибавки у было достаточно извѣстно и понятно.

а и ж. Оба словянскіе носовые знаки (юсы) въ обѣихъ азбукахъ представляютъ очевидно комбинацію знаковъ, лигатуру, и обѣ буквы выражаютъ носовые звуки, отличающіеся тѣмъ гласнымъ, который они сопровождаютъ. Прототиповъ словянскихъ юсовъ потому естественно слѣдуетъ искать въ тѣхъ греческихъ буквахъ, которыя могли болѣе или менѣе близко выражать носовые словянскіе звуки. Тейлоръ, считая за древнѣйшую форму кирилл. а вертикальную черту, покрытую крышкой, видитъ въ а греч. *ѣ* съ двумя точками у верхняго конца и греч. *ѡ* наверху; а въ большемъ юсѣ (ж) ту же фигуру, но еще съ *о* надъ *ѡ*, такъ что, по его мнѣнію, ж = *ѣѡ*, а ж = *ѣо* + *ѡ*. Въ глаголицѣ Тей-

лоръ принимаетъ за древнѣйшую форму малый юсь и за исходный пунктъ обоихъ юсовъ вторую правую половину глаголич. юсовъ и видитъ въ ней лигатуру $\epsilon\upsilon$, при чемъ большой глаголич. юсь представляетъ, по его мнѣнію, также какъ и кирилловскій тройную вязь: $o + \epsilon\upsilon$, или другими словами какъ въ кириллицѣ такъ и въ глаголицѣ большой юсь развился изъ малаго посредствомъ прибавки въ послѣднемъ для выраженія отличительнаго гласнаго, входящаго въ составъ ж, т. е., о.

Акад. Ягичъ видитъ во второй составной части глаголическихъ юсовъ простую, нѣсколько видоизмѣненную для симметріи греч. букву υ въ той формѣ, которая послужила прототипомъ для глаголич. н, а въ первой части малаго іоти-рованного глаголич. юса глаголическую же букву ϵ ; между тѣмъ какъ въ первой части глаголич. большаго юса глаголич. о. Подтверженіе своего предположенія г. Ягичъ видитъ въ томъ обстоятельстве, что вторая составная часть глаголич. юсовъ въ Синайской псалтири употребляется отдѣльно въ значеніи перваго и въ словѣ ангель. Относительно кирилловскихъ знаковъ для носовыхъ звуковъ почтенный профессоръ къ сожалѣнію ничего не говоритъ въ связи съ глаголич., а между тѣмъ вопросъ о происхожденіи глаголическихъ буквъ не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ кириллицы и какъ относительно другихъ буквъ, такъ и относительно юсовъ только та комбинація можетъ быть принята и признана вѣрною, которая объясняла бы происхожденіе буквъ той и другой азбуки. Въ виду этого необходимо принять во вниманіе и кирилловскіе носовые знаки, которые въ данномъ случаѣ впрочемъ позволяютъ согласиться съ акад. Ягичемъ, если не во всемъ, то по крайней мѣрѣ отчасти. Ближайшее разсмотрѣніе кирилловскихъ юсовъ и сопоставленіе ихъ съ греческими буквами, могущими болѣе или менѣе близко выражать словянскіе носовые звуки, приводитъ повидимому также къ заключенію, что въ основѣ кирилловскаго малаго юса лежитъ греч. $\epsilon\upsilon$, а въ основѣ большаго греч. $\omega\upsilon$; въ обоихъ случаяхъ, слѣд., и въ кириллицѣ мы имѣемъ греч. υ , которое Ягичъ видитъ во второй части глаголическихъ буквъ для носовыхъ звуковъ. Трудно только видѣть вмѣстѣ съ почтеннымъ академикомъ, въ глаголич. маломъ юсѣ одно греч. υ . Хотя фигура глаголич. малаго юса дѣйствительно входитъ вся въ составъ другихъ буквъ

для носовыхъ, тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы одно греч. *υ* могло служить для выраженія цѣлаго комплекса звуковъ. Кирилловскій малый юсъ, который уже по своему внѣшнему виду, съ перваго взгляда, не оставляетъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что въ этой буквѣ мы имѣемъ лигатуру, также говоритъ въ пользу другаго предположенiя, а именно, что и въ глаголич. маломъ юсѣ мы имѣемъ лигатуру *ευ*, какъ справедливо предположилъ Тэйлоръ и въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненiя греч. написанiя *ευ* съ глаголич. малымъ юсомъ. Что же касается до другихъ глаголич. юсовъ, то въ нихъ 2-я часть, быть можетъ, дѣйствительно есть только видоизмѣненiе *υ* въ глаголической его формѣ, которая по своему сходству съ лигатурою *ευ*, легшей въ основанiе глаголич. малаго юса, могла скоро совершенно уподобиться формѣ малаго юса, такъ что въ тѣхъ глаголич. памятникахъ, которые дошли до насъ, одно *υ* въ глаголич. юсахъ и лигатура *ευ* въ маломъ юсѣ являются въ одинаковой формѣ, какъ будто между ними никогда не было никакой разницы.

Изъ рассмотрѣнiя буквъ глаголической азбуки въ связи съ буквами кириллицы мы старались показать, что буквы той и другой азбуки одинаковаго происхожденiя и что какъ глаголическiя произошли изъ греческаго курсива, такъ кирилловскiя изъ греч. литургическаго уставнаго письма. Исключенiе составляютъ только нѣкоторыя изъ послѣднихъ чисто словянскихъ буквъ кириллицы, которыя произошли или изъ греческаго курсива, или глаголическихъ, переделанныхъ сообразно съ общимъ характеромъ уставной кириллицы. Это послѣднее обстоятельство можетъ служить доказательствомъ того, что кириллица произошла 1) послѣ глаголицы, 2) заимствовала отъ нея нѣкоторые знаки, не имѣвшiеся въ греческомъ, но необходимыя для словянской письменности. Къ счастью въ данномъ случаѣ въ пользу этихъ увазанiй палеографiи говорятъ и другiя какъ палеографическiя, такъ и культурно историческiя соображенiя, частiю высказанныя уже выше.

Въ то время, когда словянскiя племена, поселившiеся въ сосѣдствѣ съ греками, подверглись влiянiю греческой цивилизацiи, у грековъ курсивъ давно уже былъ общепотре-

бительнымъ въ дѣловыхъ общественныхъ и частныхъ сношеніяхъ, какъ доказываютъ дошедшіе до насъ намятники этой частной и канцелярской письменности. Словяне точно также по всей вѣроятности прежде всего научились писать болѣе удобнымъ и распространеннымъ среди массы грамотныхъ грековъ курсивомъ, который они употребляли въ своихъ частныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ.

Изъ этой первоначальной грекословянской письменности мало по малу выработалась та манера выражать греческими буквами словянскіе звуки, которая, закрѣпивъ за известными греческими буквами, простыми и комбинированными, известное словянское значеніе, породила словянской алфавитъ, въ которомъ частію путемъ дифференціацій, частію путемъ комбинаціи явились установившіеся и общепринятые простые или сложные знаки для выраженія чисто словянскихъ звуковъ. Этотъ мало по малу выработавшійся изъ греческаго курсива алфавитъ естественно долженъ былъ сдѣлаться органомъ общественной и государственной письменности, когда словянскія племена, находившіяся подъ вліяніемъ греческой культуры, образовали болѣе или менѣе организованныя государства. Этотъ же алфавитъ долженъ былъ сдѣлаться органомъ и той обширной письменности, которая явилась у словянъ, когда они не отдѣльными личностями и семействами, а цѣлыми массами и государствами стали принимать христіанскую вѣру и усваивать греческую христіанскую образованность. Но такъ какъ церковная греческая письменность, несмотря на давнишнее существованіе болѣе легкаго и скорого обыденнаго курсива, держалась унциаловъ, то и словянскія религіозныя и богослужебныя книги, по примѣру своихъ греческихъ оригиналовъ, должны были писаться не тѣмъ обычнымъ, свѣтскимъ греко-словянскимъ алфавитомъ, который употреблялся для свѣтскихъ, частныхъ и общественныхъ цѣлей и надобностей, а какимъ-нибудь другимъ, болѣе или менѣе похожимъ на торжественный и четкій алфавитъ греческихъ оригиналовъ.

Этой цѣли можно было достигнуть двумя путями: передѣлать готовый уже греко-словянской курсивный алфавитъ въ унциальный письмо или взять греческій унциаль, дополнивши его новыми знаками соответственно съ готовымъ уже способомъ выражать словянскіе звуки греческими

буквами. Оба эти пути были испытаны и одинъ изъ нихъ привелъ къ глаголицѣ, другой къ кириллицѣ. Одни старались придать курсивнымъ буквамъ уже существовавшаго и установившагося греко-славянскаго алфавита характеръ унциальнаго письма, оставаясь возможно вѣрными тѣмъ формамъ буквъ, которыя были въ употребленіи въ славянской письменности. Другіе пошли далѣе и вмѣсто передѣлки курсива въ унциаль обратились прямо къ существующему уже и принятому въ греческихъ оригиналахъ богослужебному греческому унциалу, дополнивъ его соотвѣтственно съ существовавшимъ уже курсивнымъ алфавитомъ недостающими въ греческомъ унциалѣ буквами, причемъ взято было нѣсколько лигатуръ уже установившихся и получившихъ значеніе и форму единичныхъ буквъ, съ передѣлкой ихъ на манеръ всей вообще греческой унциальной азбуки. Опираясь на постоянно находящіеся предъ глазами переводчиковъ греч. оригиналы, эта славянская унциальная азбука легко могла сохранять свой первоначальный характеръ, между тѣмъ какъ сестра ея, вышедшая изъ курсива, все болѣе и болѣе видоизмѣняясь благодаря стремленію благочестивыхъ писцовъ къ украшеніямъ и прибавкамъ, дошла наконецъ до той причудливой, замысловатой и, если угодно выражаться сильно, лудовицкой формы, которая отличаетъ глаголицу отъ другихъ алфавитовъ и благодаря которой она сдѣлалась столь же непохожею, за исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, на свою прародительницу, греческую азбуку, сколько трудною и неудобною для письма. Эти качества глаголицы были безъ всякаго сомнѣнія причиною того, что она все болѣе и болѣе теряла почву и уступала мѣсто болѣе удобной, четкой, красивой и столь близкой къ греческому оригиналу кириллицѣ.

Очень можетъ быть, что эти неудобства и безобразія глаголицы были не только причинами ея паденія и поглощенія кириллицею, но и вызвала на свѣтъ самую кириллицу, т. е., что кириллица явилась какъ бо-

лѣе удобная и близкая къ оригиналу замѣна неудобной и некрасивой глаголицы, когда характеръ этой послѣдней уже ясно обозначился, но когда еще связь съ греческимъ курсивомъ и соотвѣтствіе глаголическихъ буквъ греческимъ были ясны и во всякомъ случаѣ замѣнителямъ и вводителемъ кириллицы извѣстны, благодаря чему они взяли для чисто словянскихъ буквъ тѣ же знаки и комбинаціи, которые лежали въ основѣ соотвѣтствующихъ глаголическихъ. Предполагать противное и думать, что глаголица явилась въ качествѣ литургическаго письма послѣ кириллицы или придумана для противодѣйствія ей совершенно невозможно, потому что трудно допустить, чтобы такая неудобная азбука могла кому нибудь казаться способною конкурировать съ изящною кириллицею. Она могла держаться нѣкоторое время и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только какъ остатокъ старины, благодаря традиціи и привычкѣ, но никакъ не могла выступить конкурентомъ существующей уже и распространенной кириллицы. Тѣмъ менѣе могло прійти кому нибудь въ голову выдумывать, изобрѣтать такую азбуку какъ глаголица, особенно наряду съ кириллицею. Если азбуки, какъ доказали новѣйшія открытія въ области эпиграфики и палеографіи, вообще не выдумывались, а развивались и выработывались постепенно, то тѣмъ менѣе могла быть выдумана глаголица.

Какъ извѣстно, знаменитый Шафарикъ послѣ долготнѣхъ занятій вопросомъ о происхожденіи словянскихъ азбукъ, пришелъ въ своемъ *Letzte Meinung* къ тому заключенію, что глаголица была тою азбукою, которую употребляли при переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ словянскіе апостолы и что такъ называемая кириллица изобрѣтена послѣ въ Болгаріи св. Климентомъ для замѣны неудобной и затруднительной глаголицы, которая, слѣд., и должна называться кириллицею. Академикъ Ягичъ, хотя и нераздѣляетъ мнѣнія Шафарика и нѣкоторыхъ другихъ относительно изобрѣтенія кириллицы св. Климентомъ, тѣмъ не менѣе признаетъ на основаніи многосторонняго изученія памятниковъ первенство глаголицы предъ кириллицею и существованіе во времена дѣятельности словянскихъ перво-

учителей въ Моравіи именно глаголицы, а не кириллицы, которая, по его мнѣнію получила окончательный перевѣсъ надъ глаголицею въ вѣкъ Симеона Болгарскаго, въ вѣкъ господства греческой образованности въ Болгаріи (стр. 167). Это свидѣтельство древнѣйшихъ словянскихъ памятниковъ въ пользу первенства глаголицы, свидѣтельство, на которое обращать вниманіе уже покойный И. И. Срезневскій, является для насъ весьма важнымъ и вѣскимъ доказательствомъ особенно потому, что оно вполне совпадаетъ съ вышеприведенными теоретическими соображеніями относительно заимствованія словянами у грековъ курсивнаго, скорого и обыденнаго письма прежде книжнаго и литургическаго унціала. Предоставляя специалистамъ опредѣлять точно время и пути распространенія той и другой азбуки, я позволю себѣ высказать только общее соображеніе относительно возможнаго и вѣроятнаго распространенія древнѣйшей словянской азбуки, т. е., глаголицы. Выработавшись у словянъ, жившихъ среди грековъ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними, новая словянская азбука естественно вмѣстѣ съ греческимъ вліяніемъ культурнымъ и религіознымъ распространилась съ юга на сѣверъ и быть можетъ дѣйствительно занесена въ Моравію и Паннонію св. братьями, познакомившимися съ этою южною словянскою азбукою на ея родинѣ. Быть можетъ, эта азбука была извѣстна въ мѣстахъ позднѣйшаго господства глаголицы и раньше, но во всякомъ случаѣ первый путь ея былъ съ юга на сѣверъ, а потомъ уже, если она была дѣйствительно орудіемъ переводной письменности, явившейся въ Моравіи благодаря просвѣтительной дѣятельности св. братьевъ, глаголица могла въ свою очередь вмѣстѣ съ первыми переводами священныхъ и богослужебныхъ книгъ распространяться въ обратномъ направленіи и дойти до мѣста своей родины: Македоніи и Южной Болгаріи, гдѣ она потомъ столкнулась и уступила мѣсто своей болѣе молодой, но за то болѣе удобной, простой и красивой кириллицѣ.

ADDENDA ET CORRIGENDA.

Въ избѣжаніе недоразумѣній со стороны читателя, считаю долгомъ объяснить, что въ текстѣ глаголическія буквы вовсе неупотребляются и не стоятъ даже тамъ, гдѣ о нихъ идетъ рѣчь, по той причинѣ, что въ Университетской типографіи, къ стыду ея, глаголическаго шрифта не оказалось, а попытки типографіи обзавестись этимъ шрифтомъ, задержавшія на нѣсколько мѣсяцевъ печатаніе этого труда, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ.—Точно также при передачѣ древнихъ греческихъ и латинскихъ буквъ пришлось довольствоваться тѣми знаками и буквами, которыя нашлись въ типографіи, хотя эти буквы и знаки далеко не выражаютъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя желательно было бы выразить. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Во время печатанія этой работы до Казани дошла та книжка журнала *Rheinisches Museum'a für Philologie* за 1885 годъ (Band 40, Heft 4, s. 599 folg.), въ которой помѣщена критическая статья г. Gardthausen'a, трактующая о происхожденіи греч. υ , φ , χ , ψ ; но въ этой статьѣ не оказалось ничего такого, что требовало бы измѣненій того отдѣла этой книжки, въ которомъ говорится о происхожденіи и образованіи названныхъ греческихъ буквъ изъ финикійскихъ.

Прилагаемыя таблицы греческихъ и словянскихъ алфавитовъ составлены на основаніи слѣдующихъ палеографическихъ изданій и научныхъ пособій:

Montfaucon, *Palaeographia graeca*.

Silvestre, *Paléographie Universelle*, Paris, 1841, vol. II.

Wattenbach, *Anleitung zur griechischen Palaeographie*, Leipzig. 1867.

Саова, епископъ Можайскій, Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей, Москва, 1863.

Срезневскій И. И. Древніе глаголическіе памятники, Спб. 1866.

Амфилохий Архим., Палеографическое описаніе греческихъ рукописей, I—IV, Москва, 1879—80.

Gardthausen, Griechische Palaeographie, Leipz. 1879.

Wattenbach, Scripturae graecae specimina, Berolini, 1883.

Явичъ, три таблицы, приложенныя къ его „Отчету о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году“ (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов. Императорской Акад. Наукъ, т. XXXIII, Спб. 1884).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

СТРАН.	СТРОКА		
23	14 св.	въ XII—XIV вѣкѣ	въ XII—XIV вѣкахъ
24	9 сн.	<i>Малаффа</i>	<i>Малаффи</i>
27	15 сн.	еврейскихъ колон.	дорійскихъ колон.
52	21 сн.	установшіеся	установившіеся
57	13 сн.	круглостей	округлостей
62	20 св.	разницы	разница
68	14 сн.	азбуки	буквы
73	16 св.	безграмотны	неграмотны
77	13 св.	считается	считаетъ
80	2 сн.	вызвала	вызвали

Алфавиты

греч.	предположительные переходн. формы	словянск. знак кирилл.
Δ α λ λ λ λ +		Ⲉ . . . . Δ
Β ΒΒ	ϐ ϐ ϐ ϐ	Ϡ Ϡ . . . Β
Γ γ γ	ϑ ϑ ϑ	ϣ ϣ . . . Γ
Δ δ	ϔ ϔ	Ϟ Ϟ . . Δ
Ε ε	ϕ ϕ	Ϥ Ϥ . . . Ε
Ζ ζ	ϗ ϗ ϗ	Ϭ Ϭ } Ж
Υ	Ϙ Ϙ Ϙ	Ϣ Ϣ } Ж
Ϛ	ϙ ϙ	Ϩ . . . . Ϛ
ϛ ϛ ϛ	Ϛ Ϛ	ϩ ϩ . . . ϛ
Ϝ Ϝ	ϛ ϛ	ϩ ϩ Ϝ Ϝ . . Ϝ
ϝ ϝ	Ϟ Ϟ	ϩ ϩ Ϝ Ϝ . . И
Ϟ Ϟ Ϟ	ϟ ϟ	ϣ ϣ Ϟ Ϟ . . /
Κ κ κ κ	Ϡ Ϡ	ϥ ϥ Ϟ Ϟ . . К
Λ λ λ λ	ϡ ϡ	Ϩ Ϩ ϡ ϡ . . Λ
Μ μ μ μ μ μ	Ϣ Ϣ	Ϡ Ϡ Ϣ Ϣ . . Μ
Ν ϐ ϐ ϐ ϐ	ϣ ϣ	ϣ ϣ ϣ . . Η
Ο ο ο ο	Ϥ Ϥ	Ϥ Ϥ Ϥ . . Ο
Π π π	ϥ ϥ	ϥ ϥ . . Π
Ρ ϐ ϐ ϐ ϐ	ϧ ϧ	ϧ Β ϐ . . Ρ
Σ σ σ σ	Ϩ Ϩ	Ϩ Ϩ Ϩ . . Σ

T π τ . . . . . π π π . . . . . π π π T
 Y γ γ . . . . . γ γ γ . . . . . γ γ . . . . . γ
 OY θ γ . . . . . θ θ . . . . . θ θ θ θ OY
 Φ φ φ . . . . . φ φ φ Φ
 X x x . . . . . x x . . . . . x x X
 ω ω . . . . . ω . . . . . ω ω ω . . . . . ω
 (Tz z z z z.) z z . . . . . z z z . . . . . z z
 ω ω = σσ . . . . . ω . . . . . ω . . . . . ω
 φ { φ φ φ . . . . . φ φ φ . . . . . φ φ φ
       φ φ . . . . . φ φ . . . . . φ φ
 h h h = γ . . . . . h h h . . . . . h h h . . . . . h
 o . . . . . o o . . . . . o o o o . . . . . o
 ea . . . . . ea ea . . . . . ea ea . . . . . ea
 lo lo lo . . . . . lo lo lo . . . . . lo lo lo . . . . . lo
 ov oφφ . . . . . φ φ φ φ . . . . . φ
       φ φ . . . . . φ φ φ φ = A HA
 ov . . . . . ov . . . . . ov = A
 ω̃ ω̃ ω̃ . . . . . ω̃ ω̃ . . . . . ω̃ ω̃

Д. О. ВЪЛЯЕВЪ.

ИСТОРІЯ АЛФАВИТА
И
ПОВОДЪ ЖИЗНИ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛЦЫ.

СЪ ДВУМЯ ТАБЛИЦАМИ ГРЕЧЕСКИХЪ И СЛОВЯНСКИХЪ
АЛФАВИТОВЪ.

КАЗАНЬ.

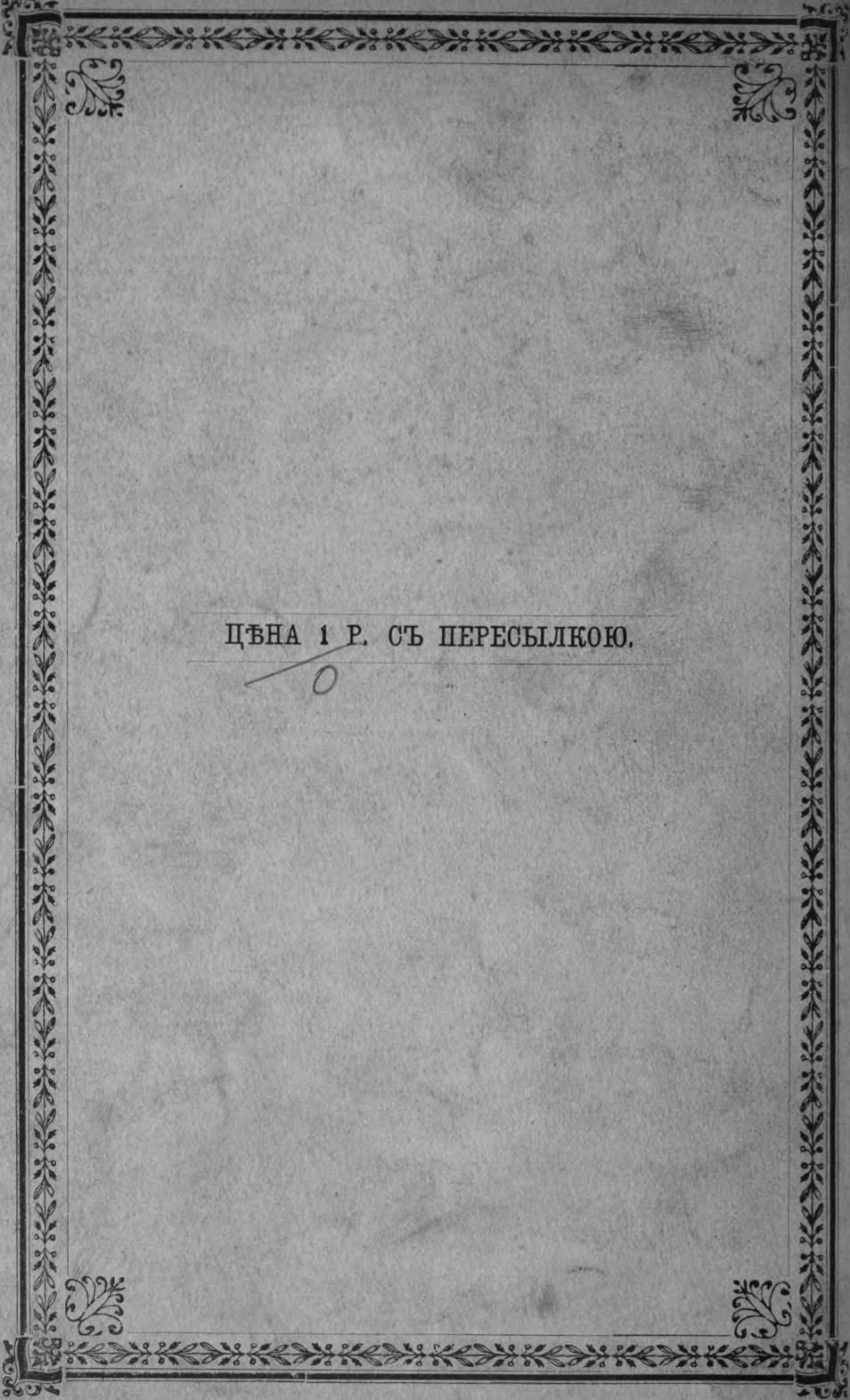
Типографія Императорскаго Университета.

1886.

N. F. 1. f. 18.

ЦѢНА 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

